

Роскошная эпопея, история мужчины и женщины,
которые вопреки всему осуществили свою мечту.
Если книга Адрианы Трижани впервые попала вам в руки,
то приготовьтесь к тому, что вас ждет любовь с первого взгляда и навсегда.

Кэтрин Стокетт, автор романа «Прислуга»

АДРИАНА ТРИЖИАНИ

ЖЕНА БАШМАЧНИКА

КНИГА ИЗДАНА В 36 СТРАНАХ

Адриана Трижиани
Жена башмачника

«Фантом Пресс»

2012

УДК 821.111

ББК 84.7

Трижиани А.

Жена башмачника / А. Трижиани — «Фантом Пресс», 2012

ISBN 978-5-86471-706-6

Впервые Энца и Чиро встретились еще детьми при очень печальных обстоятельствах, на фоне величавых итальянских Альп. Чиро – полусирота, который живет при женском монастыре, а Энца – старшая дочь в большой и очень бедной семье. Они не сетуют на судьбу и готовы к трудам и невзгодам, главное – не расставаться с близкими людьми и с такими прекрасными горами. Но судьба распорядится иначе – совсем детьми оба вынуждены покинуть родину и отправиться через океан в непостижимую и пугающую Америку. Так начинается история их жизни, полная совершенно неожиданных поворотов, искушений, невзгод, счастливых мгновений, дружбы и великой любви. Им придется встретиться и расстаться еще несколько раз, прежде чем они поймут, что судьба недаром подстраивает им встречи, и если есть что-то в жизни, способное справиться с тоской по родной Италии, так это – любовь. «Жена башмачника» – эпическая история любви, которая пролегла через два континента и две мировые войны, через блеск и нищету Нью-Йорка и умиротворяющую красоту Италии, через долгие разлуки и короткие встречи.

УДК 821.111

ББК 84.7

ISBN 978-5-86471-706-6

© Трижиани А., 2012
© Фантом Пресс, 2012

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	20
3	25
4	35
5	45
6	51
7	65
8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Адриана Трижиани
Жена башмачника
Роман

Adriana Trigiani

The Shoemaker's Wife

THE SHOEMAKER'S WIFE by Adriana Trigiani Copyright © 2012 by The
Glory of Everything Company

© Мария Никонова, перевод, 2015

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2015

Часть первая Итальянские Альпы

1

Золотое кольцо Un Anello d'Oro

Катерина Ладзари шла через пустую площадь, фестончатый подол голубого бархатного пальто волочился по свежему снегу, оставляя на брусчатке бледно-розовый след. Тишину нарушал лишь тихий, ритмичный шорох шагов – с таким звуком просеянная мука ложится на старую деревянную доску. Со всех сторон серебряными кинжалами в оловянное небо вонзались Итальянские Альпы. Невысокое солнце едва просвечивало сквозь дымку – золотая булабочная головка на серой ткани. В утренних лучах, вся в голубом, Катерина походила на птицу.

Обернувшись с протяжным вздохом, она выпустила в холодный зимний воздух облачко пара.

– Чиро! – позвала она. – Эдуардо!

Катерина слышала, как смех сыновей эхом разносится по пустой колоннаде, но не могла понять, где они. Взгляд ее скользнул по колоннам. Это утро плохо подходило для игры в прятки. Катерина снова окликнула детей. Голова кружилась от наплыва дел: большие проблемы и маленькие поручения, несметное число мелочей, документов, в которых надо разобраться, ключей, которые надо вернуть. А еще нужно как-то распределить оставшиеся лиры, чтобы уплатить по счетам.

Первое, с чем сталкивается вдова, – бумажная канитель.

Катерина и представить себе не могла, что в первый день 1905 года будет стоять здесь одна, и впереди – ничего, кроме слабой надежды, что однажды все наладится. Все обещания, данные ей, были нарушены. Катерина посмотрела вверх: окно на втором этаже над обувной лавкой распахнулось, и какая-то старуха принялась вытряхивать лоскутный коврик. Катерина поймала ее взгляд. Женщина отвернулась, втащила коврик в комнату и захлопнула окно.

Из-за колонны выглянул Чиро, ее младший. Его зеленовато-голубые глаза были отцовского оттенка – глубокого и чистого, как море в Сестри-Леванте¹. В свои десять – точная копия Карло Ладзари: большие руки и ноги, густые, песочного цвета, волосы. Самый сильный мальчик в Вильминоре. Когда деревенские дети спускались в долину за вязанками хвороста, Чиро всегда тащил на спине самую большую охапку – потому что мог ее унести.

Глядя на него, Катерина почувствовала, как защемило сердце: черты его лица напоминали обо всем, что она потеряла навсегда.

– Сюда! – Она указала на мостовую рядом со своим черным ботинком. – Немедля!

Чиро подобрал отцовский кожаный мешок и, подбежав к матери, позвал брата, прятавшегося за статуей.

Эдуардо, которому было одиннадцать, пошел в родню Катерины, Монтини, – черноглазый, высокий и гибкий. Подхватив свой ранец, он уже бежал к ним.

У подножия гор, в городе Бергамо, где тридцать два года тому назад Катерина появилась на свет, семья Монтини держала в лавке на Виа Борго-Палаццо печатный пресс – штамповала линованную бумагу для писем, изготавливала визитки и выпускала небольшие книжки. Еще у

¹ Приморский городок на Средиземном море недалеко от Генуи. – *Здесь и далее примеч. перев.*

них был дом и сад. Когда Катерина закрывала глаза, она видела родителей, сидящих за столом в увитой виноградом беседке. Они ели рикотту и толстые ломти свежего хлеба с медом. Катерина помнила о них все: кем они были и чем владели.

Мальчики побросали свои сумки в снег.

– Прости, мама, – сказал Чиро.

Он смотрел на мать, точно зная, что она – самая прекрасная женщина в мире. Ее кожа пахла персиками, а на ощупь была как атлас. Длинные волосы ниспадали мягкими волнами. Совсем малышом, лежа у нее на руках, он любил крутить черный локон, пока тот не свивался в сияющий жгут.

– Ты сейчас такая красивая, – искренне сказал Чиро. Если Катерина грустила, он всегда пытался развеселить ее комплиментами.

Она улыбнулась:

– Каждый ребенок думает, что его мать красавица. – Щеки у нее порозовели от холода, а кончик орлиного носа стал ярко-красным. – Даже если это не так.

Катерина выудила из сумочки зеркальце и замшевую пуховку. Краснота исчезла под слоем пудры. Поджав губы, Катерина критически оглядела мальчиков. Поправила воротник Эдуардо и одернула рукава Чиро, попытавшись прикрыть запястья. Но пальто давно стало ему мало, и, как ни тяни, двум лишним дюймам на манжетах взяться было неоткуда.

– Ты все растешь, Чиро.

– Прости, мама.

Она вспомнила, как раньше им шили пальто по росту, а еще брюки из тонкого вельвета и белые хлопковые рубашки. В колыбелях ее мальчиков укрывали теплые стеганные одеяльца, распашонки были из мягкого хлопка, а пуговички на них – перламутровые. Деревянные игрушки. Книжки с картинками. Теперь же сыновья выросли из одежды, а новую взять неоткуда.

У Эдуардо лишь одна пара шерстяных брюк и пальто, которое ему отдал сосед. Чиро же носит добротную, но плохо сидящую на нем отцовскую одежду. Брюки на три дюйма длиннее, чем надо, и Катерина подвернула их, сметала на живую нитку – шитье не входило в число ее талантов. Ремень у Чиро, пусть и застегнутый на последнюю дырочку, все равно болтался на животе.

– Куда мы идем, мама? – спросил Чиро, когда они отправились дальше.

– Она тебе уже сто раз говорила, опять ты не слушал. – Эдуардо поднял мешок брата.

– Поэтому ты должен слушать за двоих, – напомнила ему Катерина.

– Мама ведет нас в монастырь Сан-Никола.

– Почему мы должны жить с монашками? – возмутился Чиро.

Катерина обернулась к сыновьям. Они смотрели на нее в надежде на объяснение, которое придало бы смысл таинственным событиям последних дней. Они даже не знали, о чем спрашивать, что именно им нужно выяснить, но несколько не сомневались, что странному поведению матери есть причина. Днем Катерине не удавалось скрыть озабоченность, ночами же, думая, что сыновья уже спят, она плакала. Она написала множество писем – за одну эту неделю больше, чем за всю прежнюю жизнь на памяти детей. Катерина знала, что, открыв правду, разрушит их надежды – ведь она единственная, кто остался у них в целом мире. А в будущем Чиро вспомнит только голые факты, Эдуардо расцветит их фантазией. Ни одна из версий не будет правдой, так имеет ли это значение? Катерина не могла вынести свалившуюся на нее ответственность – принимать все решения в одиночку. Пребывая во власти горя, она тем не менее должна была сохранять здравомыслие и думать о будущем своих мальчиков. В теперешнем состоянии она не могла о них позаботиться. Катерина составила список фамилий, припомнила все связи своей семьи и семьи мужа – поименно каждого, кто мог бы помочь. Внимательно просмотрела этот список, понимая, что многие из этих людей, возможно, сейчас нуждаются

в помощи не меньше нее. Бедность изъела этот край, вынудила многих спуститься с гор в Бергамо или Милан в поисках работы. После долгих раздумий Катерина вспомнила, что отец печатал молитвенники для каждого прихода в Ломбардии, вплоть до Милана на юге. Он делал это бесплатно, в качестве пожертвования в пользу Святой Римской церкви, и не ждал вознаграждения. Катерина воспользовалась оказанной прежде услугой, чтобы пристроить сыновей к сестрам монастыря Сан-Никола.

Она положила руки на плечи Эдуардо и Чиро:

– Послушайте меня. Сейчас я вам скажу самые важные слова, какие когда-либо говорила. Поступайте так, как вам велят. Делайте все, что скажут монахини. Старайтесь изо всех сил. Вы должны выполнять все их поручения, и даже больше. Предвосхищать их. Хорошенько смотрите вокруг. Беритесь за работу прежде, чем сестры о ней попросят. Велят набрать дров – делайте это немедленно. Никаких жалоб! Помогайте друг другу – и станьте незаменимыми! Порубите дрова, принесите их и сложите в очаг, не дожидаясь просьбы. Проверьте вьюшку, прежде чем поджечь растопку. А когда все прогорит, вычистите пепел и закройте дымоход. Приберитесь за собой, чтобы все блестело. Подготовьте очаг к следующей топке – запасите сухие поленья и щепу. Спрячьте метлу, совок и кочергу. Не ждите напоминания. Старайтесь приносить пользу и не доставлять неудобств. Будьте благочестивыми, молитесь. Садитесь на первую скамью во время мессы и на дальний конец стола во время обеда. Берите еду последними и никогда не просите добавки. Вы здесь только из милости, а не потому, что я могу оплатить ваше содержание. Понимаете?

– Да, мама, – сказал Эдуардо.

Катерина погладила Эдуардо по щеке и улыбнулась. Он обхватил ее талию и крепко прижался к матери. Катерина привлекла к себе Чиро. Так приятно было уткнуться лицом в мягкую ткань его пальто.

– Я знаю, что ты можешь быть хорошим мальчиком.

– Нет, не могу! – с жаром воскликнул Чиро и вырвался из объятий матери. – И не буду.

– Чиро!

– Ты зря это придумала. Нам здесь не место!

– Нам негде жить, – возразил практичный Эдуардо. – Так что наше место там, куда нас отправит мама.

– Слушай брата. Это лучшее, что я могу сейчас сделать. Летом я заберу вас домой.

– Обрато в наш дом? – спросил Чиро.

– Нет. В новый дом. Может быть, мы переберемся повыше в горы, в Эндине.

– Папа возил нас туда, на озеро.

– Да, это городок на озере. Помните?

Мальчики кивнули. Эдуардо потер руки, чтобы согреть их.

– Вот. Возьми мои перчатки. – Катерина сняла длинные черные перчатки, доходившие ей до локтя. Надела их Эдуардо на руки, подтянула повыше, заправила под короткие рукава. – Лучше?

Эдуардо закрыл глаза. Тепло маминых перчаток поднималось от ладоней вверх, разливалось по телу, пока не окутало его целиком. Он откинул рукой волосы со лба – от пальцев успокаивающе пахло чесаным хлопком, лимоном и фрезией.

– Мама, а мне что? – спросил Чиро.

– Тебя уже согревают папины перчатки, – улыбнулась она. – Но ты хочешь еще и что-нибудь мамино?

– Пожалуйста!

– Дай руку.

Чиро стянул зубами кожаную перчатку. Катерина сняла с мизинца золотое кольцо и надела его сыну на безымянный.

– Мне его подарил мой отец.

Чиро посмотрел на кольцо. Причудливо изогнутое «С»² в овале тяжелого золота блесло в свете раннего утра. Он сжал кулак. Золотой ободок хранил тепло маминой руки.

Каменный фасад монастыря Сан-Никола выглядел неприветливо. Величественные пилястры галереи выступали на тротуар. Поверх громоздились статуи святых – на их лицах застыла фальшивая печаль. Эдуардо толкнул массивную дверь из ореха, очертаниями напоминавшую ему шляпу епископа. Катерина и Чиро вошли следом за ним в небольшой вестибюль. Они немного потоптались на сплетенной из плавника циновке, стряхивая с обуви снег. Катерина подергала цепочку медного звонка.

– Наверное, молятся. Только этим весь день и заняты, – сказал Чиро, глядя в замочную скважину.

– Откуда ты знаешь? – спросил Эдуардо.

Дверь открылась. Сестра Доменика окинула их оценивающим взглядом. Низенькая, фигурой она напоминала обеденный колокольчик. Черно-белое одеяние до полу делало ее еще шире. Она уперла руки в бока.

– Я синьора Ладзари, – представилась Катерина. – А это мои сыновья, Эдуардо и Чиро.

Эдуардо поклонился монахине. Чиро быстро склонил голову, будто произнес краткую молитву. Ну ведь правда, на подбородке у сестры Доменики была премерзкая бородавка, и он бы с радостью помолился, чтобы та исчезла.

– Следуйте за мной, – велела монахиня.

Сестра Доменика указала мальчикам на скамью, на которой им полагалось ждать, а сама вместе с Катериной прошла в следующую комнату, скрывавшуюся за тяжелой деревянной дверью. Дверь захлопнулась. Эдуардо сидел прямо, а Чиро вертел головой, осматриваясь.

– Она отдает нас, – прошептал Чиро. – Как папино седло.

– Неправда, – прошептал брат в ответ.

Чиро изучил вестибюль, круглую комнату с двумя глубокими нишами; в одной была статуя Пресвятой Девы Марии, а в другой – Франциска Ассизского. Зажженных свечей у ног Марии было определено больше. Чиро предположил, что на женщин всегда больше полагаются. Он потянул носом воздух:

– Есть хочется.

– Тебе вечно есть хочется.

– Ничего не могу с этим поделать.

– Просто не думай о еде.

– Я только о ней и могу думать.

– У тебя прямолинейный ум.

– Вовсе нет. То, что я сильный, не значит, что я глупый.

– Я не сказал, что ты глуп. Ты прямолинейен.

В монастыре пахло свежей ванилью и сладким маслом. Чиро закрыл глаза и вдохнул. Он в самом деле был голоден.

– Это как в маминой сказке о солдатах, которые заблудились в пустыне и увидели водопад там, где ничего не было? – Чиро встал, растревоженный запахами, и принялся осматривать стены. – Или где-то здесь пекут булочки?

– Сядь, – приказал брат.

Не обратив на него внимания, Чиро двинулся по длинному коридору.

– Вернись, – прошептал Эдуардо.

Ореховые двери по всей галерее были закрыты, слабый свет сочился через небольшие окошки под потолком. В дальнем конце прохода обнаружилась стеклянная дверь. Сквозь нее

² В итальянском с буквы «С» начинаются имена Катерина и Чиро.

Чиро увидел аркаду, соединявшую главное здание монастыря с мастерскими. Он побежал по галерее на свет.

Добежав до стеклянных створок, он посмотрел сквозь них и увидел голый клочок земли – вероятно, сад, – окаймленный густым сплетением серых смоковниц. Деревья были припорошены снегом.

Чиро повернул на восхитительный запах и обнаружил монастырскую кухню, спрятавшуюся за углом главного вестибюля. Открытую дверь подпирали кирпичи. Над длинным деревянным столом сияли на полке начищенные кастрюли. Чиро обернулся – убедиться, что Эдуардо не пошел за ним. Брата видно не было. Чиро побежал ко входу и заглянул внутрь. Кухня была жаркой, как летний полдень. Чиро замер, купаясь в волнах тепла.

Красивая женщина, много моложе его матери, работала у стола. Поверх длинного платья из серой шерсти в полоску – белый хлопковый фартук. Темные волосы скручены в тугий узел и заправлены под черную косынку. Прищурив темно-карие глаза, женщина раскатала на гладкой мраморной доске длинную полосу пасты. Мурлыкая под нос какую-то мелодию, она взяла короткий нож и стала вырезать из теста маленькие звездочки, не замечая, что Чиро наблюдает за ней. Длинные пальцы уверенно двигались, ловко управляясь с ножом. Вскоре на доске выросла груда крошечных кусочков пасты. Чиро решил, что все женщины прекрасны, ну разве что кроме старух вроде сестры Доменики.

– Кораллини?³ – спросил Чиро.

Молодая женщина подняла взгляд и улыбнулась маленькому мальчику в слишком просторной одежде.

– Стеллине⁴, – поправила она, показав ему кусочек теста в форме звездочки. Затем сгребла все звездочки и высыпала их в большую чашу.

– Что ты делаешь?

– Готовлю запеченный заварной крем.

– А пахнет пирогом.

– Это масло и мускатный орех. Заварной крем лучше пирога. Он такой вкусный, что ангелы слетают со своих насестов, чтобы его попробовать. По крайней мере, я так говорю другим сестрам. Ты из-за запаха проголодался?

– Я и до него был голодный.

Женщина рассмеялась.

– Ты кто?

– А ты кто? – прищурился он.

– Сестра Тереза.

– Простите, сестра. Но вы... вы выглядите как девочка. Вы не похожи на монашку.

– Я не ношу облачение, когда готовлю. Как тебя зовут?

– Чиро Август Ладзари, – гордо произнес он.

– Громкое имя. Ты римский император?

– Нет. – Чиро вспомнил, что разговаривает с монахиней. – Сестра.

– Сколько тебе лет?

– Десять. Но я крупный для своего возраста. Я даже могу тянуть ляжку на водяной мельнице.

– Впечатляет!

– Из всех мальчишек мне одному это под силу. Они дразнят меня быком.

Сестра Тереза достала из стоявшего позади стола железного бака краюху хлеба, намазала ее толстым слоем мягкого масла и протянула мальчику. Пока Чиро ел, она проворно вырезала

³ Крошечная паста в форме трубочек, используется для заправки супов и приготовления запеканок.

⁴ Паста в виде звездочек.

звезды из остатков теста и высыпала их в большую чашу, наполненную смесью из молока, яиц, сахара, ванили и мускатного ореха. Затем тщательно помешала в чаше эмалированной ложкой. Чиро наблюдал, как струи заварного крема, в котором мелькают звездочки, густея, ложатся одна на другую. Сестра разлила крем по керамическим плошкам, не пролив ни капли.

– Ты к нам в гости?

– Нас прислали сюда работать, потому что мы бедные.

– В Вильминоре-ди-Скальве все бедны, даже монахини.

– Мы совсем бедные. У нас больше нет дома. Мы съели всех цыплят, и мама продала корову. Она продала все картины и книги. А выручила не так и много. Да и эти деньги почти все вышли.

– В каждой деревне в Альпах та же история.

– Мы надолго здесь не останемся. Мама собирается в город, но вернется летом и заберет нас.

Чиро поглядывал на глубокую печь, в которой пылал огонь, и подсчитывал, сколько раз он должен будет ее растопить и вычистить, прежде чем мать вернется. А еще он гадал, сколько всего в монастыре печей, и решил, что их здесь полно. Наверное, целыми днями придется рубить дрова да топить печи.

– Что привело вас в монастырь?

– Мама все время плачет.

– Почему?

– Скучает по папе.

Сестра подняла поднос с наполненными кремом мисками и поставила его в духовку. Затем проверила миски с уже запеченным кремом, остывавшие на специальной подставке. Что за чудесная работа – готовить еду в теплой кухне во время зимних холодов! Чиро подумал, что те, кто трудится на кухне, никогда не голодают.

– А куда подевался твой папа?

– Говорят, что он умер, но я не верю, – сказал Чиро.

– Почему не веришь? – Сестра вытерла руки кухонным полотенцем и облокотилась на стол так, чтобы ее глаза оказались вровень с глазами мальчика.

– Эдуардо читал письмо, которое прислали маме из Америки. Там написано, что папа погиб в шахте, но тело не нашли. Поэтому я не думаю, что он мертвый.

– Иногда... – начала сестра Тереза.

Чиро прервал ее:

– Я все об этом знаю – иногда человек погибает, а тела нет. В шахте может сработать динамит, и люди внутри взрываются, тело может сгореть в огне, провалиться в яму или утонуть в шлаковой реке внутри горы. А еще бывает так: ты ранен, не можешь идти, застреваешь под землей, умираешь от голода, потому что никто не идет тебя искать, тебя съедают звери и остаются одни кости. Я знаю все-все про то, как можно умереть в шахте, – но мой папа не умер. Он был сильнее всех. Он мог побить любого, мог поднять в воздух любого мужчину в Вильминоре-ди-Скальве. Он не умер.

– Что ж, я буду рада когда-нибудь с ним встретиться.

– И встретитесь. Он вернется. Вот увидите.

Чиро верил, что отец жив, но сердце его ныло при мысли, что они могут никогда больше не увидеться. Он вспоминал, как всегда легко находил отца в толпе, потому что тот такой высокий, выше всех в деревне. И такой сильный, что запросто таскал обоих сыновей – по одному на каждом бедре, как мешки с мукой, – вверх и вниз по крутым горным тропам. Он валил деревья одним топором, а доски пилил так легко, как эта сестра Тереза тесто режет. И он построил запруду у водопада Вертова. Ему, конечно, все помогали, но Карло Ладзари был главным.

Сестра Тереза разбила в чашку яйцо, добавила ложку сахара и взбивала до тех пор, пока на поверхности не появилась густая пена. Потом протянула чашку Чиро:

– Держи.

Тот сделал глоток, чмокнул и осушил чашку до дна.

– Как теперь поживает твой желудок?

– Полнехонек, – улыбнулся Чиро.

– Будешь иногда помогать мне готовить?

– Мальчики не готовят.

– Это неправда. Все великие повара в Париже – мужчины. Женщин даже не берут в «Кордон-Блю». Это знаменитая кулинарная школа во Франции.

Тут в кухню ворвался Эдуардо:

– Чиро, ты где?! Пошли!

Сестра Тереза улыбнулась ему:

– Ты, должно быть, Эдуардо.

– Да.

– Она монахиня, – сказал Чиро.

Эдуардо поклонился:

– Простите, сестра.

– Ты ведь тоже проголодался?

Эдуардо помотал головой.

– Что, мама велела тебе лишний раз никого не беспокоить? – спросила сестра Тереза.

Эдуардо кивнул.

Сестра Тереза снова открыла металлический бак, достала еще один большой ломоть хлеба, намазала его маслом и протянула Эдуардо. Тот жадно принялся жевать.

– Мой брат сам ни о чем не попросит, – объяснил Чиро. – Можно ему тоже яйцо с сахаром? – Он повернулся к брату: – Тебе понравится.

Сестра улыбнулась, взяла еще одно яйцо, сахар, плеснула сливок и взбила все венчиком. Эдуардо смаковал каждую каплю яичного крема, пока чашка не опустела.

– Спасибо, сестра, – произнес он.

– А мы думали, что в монастыре будет ужасно. – Чиро поставил обе чашки в раковину.

– Если вы будете хорошо себя вести и молиться, вряд ли вас ждут неприятности.

В дверях кухни стояла сестра Доменика вместе с Катериной. Эдуардо ахнул и низко поклонился старой монахине. Чиро не понимал, почему брат боится всех и вся. Неужто он не видит, что сестра Доменика совсем не страшная? В своей накрахмаленной тиковой пелерине и черных юбках она вылитое мамино черно-белое пресс-папье из каррарского мрамора. Чиро вообще не боялся монашек. Эта еще и старенькая совсем, а большущий деревянный крест у нее на груди похож на огромный ключ.

– Я нашла двух способных молодых людей, которые помогут мне на кухне, – сказала сестра Тереза.

– Эдуардо будет помогать мне с бумагами, – ответила сестра Доменика, – а Чиро – работать в церкви. Мне нужен сильный мальчик, который сможет поднимать тяжести.

– А мне нужен сильный мальчик, чтобы делать сыр, – подмигнула сестра Тереза сестре Доменике.

– Я могу делать и то, и то, – гордо заявил Чиро.

Катерина положила руки ему на плечи:

– Мои сыновья будут делать все, что вы им велите, сестра.

Всего несколькими милями выше Вильминоре-ди-Скальве к горе сосулькой прилепилась деревушка. Здесь даже мертвых хоронили на горном склоне под защитой гранитной стены, увитой виноградом.

В Скильпарио не было ни главной площади, ни внушительной колоннады, ни фонтанов, ни статуй, как в Вильминоре-ди-Скальве, – только простые крепкие здания в альпийском стиле, с фасадами из деревянных балок и оштукатуренной глины, способные выдержать зимние холода. Штукатурка была выкрашена в лимонно-желтый, вишневый, сливовый цвет. Яркие дома украшали гору, будто причудливая черепица.

Деревня была шахтерской. Рядом залежали богатые пласты железной руды и барита. Добытую в шахтах руду везли телегами вниз, в Милан, на продажу. Все здесь работали на лежавшие внизу городки. А еще местный люд построил и обслуживал плотину, обуздавшую стремительную речку Во, сбегавшую с гор.

Фермы поставляли свежее мясо городским мясникам. У каждой семьи была коптильня, где изготавливали сосиски, салами, прошутто и окорока. Во время долгих зим жители гор поддерживали силы с помощью содержимого своих погребов, забитых бочками с каштанами, росшими здесь в изобилии. По осени эти плоды ковром покрывали горные тропы, будто гладкие коричневые камни. Кроме того, жители Скильпарио выживали благодаря яйцам из своих курятников, молоку и сливкам от своих коров. Они сбивали масло и делали сыр, а что не могли продать, съедали сами.

Горные леса высоко над деревней изобиловали боровиками и прочими грибами, в том числе и столь желанными трюфелями, – их собирали в конце лета и сбывали торговцам из Франции, которые продавали трюфели лучшим шеф-поварам в больших европейских городах. Детей учили охоте за трюфелями с малых лет, и они, с болтавшимися на талии полотняными сумками, прочесывали леса, ползая на четвереньках в поисках хрупких клубней, угнездившихся глубоко в земле у корней старых деревьев.

Скильпарио была одной из последних деревушек к северу, лежавших в тени Пиццо Камино, высочайшего альпийского пика, – снег на его вершине не таял даже летом. Забравшись так высоко в горы люди смотрели сверху вниз на движущиеся по долине облака, похожие на розетки безе.

С приходом весны лед на вершинах пониже таял, и они окрашивались в оттенки зеленого, по мере того как стланиковые сосны и кусты можжевельника выпускали молодые побеги. Долина, лежавшая внизу, в глубоком ущелье, пестрела желтыми лютиками. Деревенские женщины собирали лечебные травы: ромашку, успокаивающую нервы, одуванчики для очищения крови, хрупкую перечную мяту от болезней желудка и яснотку с золотистыми цветами – чтобы победить лихорадку. Одинокая лента дороги, звавшейся Пассо Персолана, соединяла Скильпарио с Вильминоре-ди-Скальве и убегала дальше вниз, к подножию гор, в Бергамо. Дорогу проложили в восемнадцатом столетии – обычный проселок для пеших путников. Со временем ее расширили, чтобы могла проехать карета, но только в теплую погоду, зимой путь был опасен.

Марко Раванелли знал каждый утес, каждый изгиб дороги, каждый природный каменный мостик, служивший убежищем в ненастье, каждую деревушку на пути, каждую ферму, речку и озеро – еще с тех пор, как мальчишкой сопровождал вверх и вниз по горам своего отца, возившего путешественников.

Марко, извозчик из Скильпарио, был худощав, невысок, с густыми черными усами, частично упрощавшими его красивые черты. Воткнув в лед две длинные палки, он прочно стоял на тропинке, соединявшей дом и сарай. Марко действовал осторожно, он не мог позволить себе упасть: сломанная нога или любое другое увечье были слишком большой роскошью. В свои тридцать три года Марко отвечал за жену и шестерых детей, младшая из которых, Стелла, только что родилась.

Энца, его старшая, шла за отцом, также втыкая в лед палки. Ей едва сравнялось десять, но она умела все, на что способна любая женщина вдвое ее старше, и, возможно, даже лучше многих из них – особенно шить. Маленькие пальчики двигались проворно и ловко, кладя мелкие, почти невидимые стежки как по линейке. Мать считала этот ее талант истинным чудом, поскольку сама не умела шить так быстро и аккуратно. Энца не обрезала свои каштановые волосы, и блестящая тугая коса спускалась до талии. Лицом в форме сердечка она напоминала мать – круглые щеки, кожа цвета свежих сливок и идеально очерченные губы, настоящий «лук Купидона». Светло-карие глаза Энцы блестели точно янтарные пуговицы.

У старшей дочери в многодетной семье не бывает нормального детства.

Энца научилась запрягать лошадь, как только начала дотягиваться до повозки. Она знала, как приготовить из каштанов начинку для пирога или картофельное тесто для ньокки⁵, как сбить масло, свернуть шею цыпленку, выстирать и заштопать белье. Вместо игр Энца шила. Ткань стоила дорого, так что она сама научилась красить хлопковый муслин, придумывая разноцветные узоры, а потом обшивала всю семью.

Когда наступало лето, Энца собирала малину и ежевику и делала краски из их сочной мякоти. Она плиссировала и мяла грубый хлопок, наносила краску на ткань и оставляла сохнуть на солнце, чтобы цвета закрепились. Простой хлопковый муслин расцветал под ее руками – сумеречно-лавандовым, нежно-розовым, графитово-синим. Потом яркое полотно украшалось орнаментами и вышивкой.

У Энцы не было кукол, но к чему они, когда на тебе забота о двух младенцах в люльках и о трех детях постарше – один ползает и еще двое ходят, – а все долгие зимние вечера заняты рукоделием и прочей работой?

В конюшне было холодно, так что Марко и Энца энергично принялись за уборку. Пока отец чистил Чипи, их общего любимца, Энца полировала скамью в двуколке. Та была меньше обычной повозки – места хватало лишь на двух пассажиров. Черная отделка подчеркивала изящество линий. Энца чистой тряпкой до блеска протерла сиденья.

Те, кто зарабатывает, оказывая услуги богатым, обязаны уделять внимание каждой детали. Краска должна быть покрыта лаком, позолота должна ослеплять, каждая латунная выемка, стык, заклепка – сиять. Общественное положение клиента отражается в этом блеске, наведенном тяжелым трудом его слуги. Вот за что платят богатые, вот чего они требуют. Марко учил дочь: все должно сверкать, включая лошадь.

Энца положила на пассажирское сиденье собственноручно сшитую полость из коричневой замши с подкладкой из прочного золотистого хлопка. Полость должна была согреть седока, платившего им деньги.

- Мне кажется, тебе не стоит ехать, папа.
- Это единственная работа, перепавшая за всю зиму.
- А что, если упряжь порвется?
- Не порвется.
- Что, если Чипи упадет?
- Поднимется.

Марко проверил рессоры двуколки. Затем взял масленку и начал смазывать пружины.

– Давай я. – Энца забрала у отца масленку и проскользнула под повозку, чтобы покрыть маслом механизм. Она очень старалась и сделала несколько лишних впрысков, чтобы двуколка преодолела внезапные повороты и ухабы на скользкой горной дороге, не опрокинувшись.

Марко помог ей выбраться из-под двуколки.

– Снег – худшее, что бывает в горах. Но когда я доберусь до Вильминоре-ди-Скальве, там будет пыльно. Скорей всего, снега нет до самого Бергамо.

⁵ Итальянские картофельные клецки.

– А как насчет дождя?

Марко улыбнулся:

– Хватит тебе беспокоиться обо мне и матери.

– Ну кто-то же должен!

– Энца!

– Прости, папа. Мукой мы запаслись до весны. Немного сахара тоже есть. Каштанов полно. Ты не обязан соглашаться на эту работу.

– А как насчет арендной платы?

– Синьор Ардуини может подождать. Деньги ему нужны, только чтобы покупать новые платья дочке. А у Марии их и без того хватает.

– Ты собираешься указывать первому богачу в деревне, как ему тратить деньги?

– Хорошо бы он у меня спросил. У меня есть что ему порассказать.

Марко изо всех сил старался удержаться от смеха.

– Я получу три лиры за то, что отвезу пассажира вниз.

– Три лиры!

– Вот именно! Только глупец откажется от трех лир.

– Можно я поеду с тобой? Если что-то случится, я смогу помочь.

– А кто поможет маме управиться с детьми?

– Баттиста!

– Ему всего девять, и он еще больший ребенок, чем Стелла.

– Он просто любит озорничать, папа.

– Это не то качество, которое пригодится в жизни.

– Элиана – хорошая помощница!

– Но силенок у нее маловато, – напомнил Марко.

– Зато она умная. А это что-то да значит.

– Да, но в тяжелой работе она матери не подсобит. Витторио и Альма совсем малыши, с ними хлопот много, а Стелла и вовсе младенец. Маме без тебя не обойтись.

– Хорошо. Я останусь. Как думаешь, долго тебя не будет?

– Путь вниз займет один день. Там я переночую, и нужен еще день, чтобы подняться обратно в горы.

– Два полных дня...

– За три лиры, – напомнил ей Марко.

Марко был честолюбив. Он вынашивал планы соорудить роскошную повозку с тремя скамьями, чтобы возить туристов. Те всегда жаждали тишины горного лета с его прохладными ночами и солнечными днями, любили плавать в чистейших альпийских озерах. Туристы ездили на воды в Бормио, принимали солнечные ванны на пляжах реки Брембо или грязевые – в Трескоре. Новая, современная коляска сможет отвезти туристов куда они пожелают! Марко представлял тент в широкую черно-белую полоску, латунные крепления... Белая шелковая бахрома с шариками по краю придавала бы особый шик. Джакомина с Энцей сшили бы бирюзовые вельветовые подушки для сидений...

Марко надеялся заработать достаточно денег, чтобы наконец выкупить у Ардуини старый каменный дом. Аренда обходилась дорого, но дом совсем рядом с конюшней Чипи, где стоит повозка и хранится все снаряжение. Раванелли не могли жить в конюшне. Им был нужен дом.

Синьор Ардуини старел – уже скоро вступит во владение его сын. Деревянный ящик, заполненный сложенными вдвое листами пергаментной бумаги с описанием земельных участков в Скильпарии, будет передан из рук в руки, и землей станет управлять следующее поколение Ардуини. Определенные признаки говорили Марко, что он должен серьезно подумать о покупке дома. Иногда, после того как Марко в очередной раз вносил плату, синьор Ардуини спрашивал выкупить дом до того, как его сын унаследует владения и возможная сделка

отменится навсегда. Именно желание Ардуини продать дом побуждало Марко расширять свое дело. Нынешняя повозка не давала достаточно прибыли, чтобы скопить на такую покупку.

Дом на Виа Скалина – вот о чем мечтал Марко, думая о своей семье.

Марко добрался до Вильминоре вовремя. Уже издали, въехав на площадь, он увидел, что клиентка дожидается его в компании монахини. Рядом с ними на земле стоял небольшой коричневый саквояж. Голубое пальто Катерины выделялось на зимнем серо-розовом фоне. Марко облегченно вздохнул: клиентка ждала его, как было условлено. В последнее время пассажиры все чаще отказывались от поездок – верный признак бедности, поразившей эти края. В путь теперь пускались пешком.

Марко направил Чипи через площадь ко входу в монастырь Сан-Никола, затем спрыгнул с козел, поздоровался с монахиней и помог Катерине Ладзари усесться в двуколку. Она пристроила свой баул в специальный ящик у ног, застегнула полость, прикрыв тканью голубое пальто, подняла и закрепила верх.

Сестра Доменика вынула из кармана конверт и вручила его Марко. Он поблагодарил ее, а затем взобрался на место возницы. Монахиня отправилась обратно в монастырь.

Тронув коня, Марко услышал, как мальчишеский голос зовет мать. Катерина попросила Марко остановиться, и к повозке подбежал запыхавшийся Чиро. Катерина покачала головой, глядя на сына:

- Чиро, возвращайся. Здесь холодно.
- Мама, не забывай мне писать!
- Каждую неделю, обещаю. И ты тоже должен мне писать!
- Обязательно, мама.
- Будь хорошим мальчиком и слушайся сестер. Я вернусь не позже лета.

Марко щелкнул поводьями и послал Чипи вниз по главной улице к горной дороге. Чиро смотрел, как уезжает мать. Ему хотелось побежать за повозкой, ухватиться за ручку дверцы, запрыгнуть на сиденье, но мать не оглянулась. Не протянула руку, не поманила к себе, как она делала каждый раз, отправляясь в путешествие в карете, на поезде или на лодке, – всегда, сколько он себя помнил.

Чиро понял только, что мама решила уехать от него, оставить его, как бросают на обочине сломанный стул в ожидании старьевщика. Она уезжала, и он видел контур ее воротника, затылок, шею, прямую, как стебель розы... Вскоре двуколка повернула к выезду на Пассо Персолана, и теперь он мог разглядеть лишь размытое голубое пятно.

Когда повозка скрылась из виду, в груди у него защемило. Ему страшно хотелось заплакаться, громко, безудержно, но какой от слез прок? Чиро еще не понимал разницы между горем и гневом. Он только знал, что сейчас разнес бы вдребезги все, что видит: статуи, корзину уличного торговца и стекла всех лавок в галерее.

Чиро злился на мать за каждое неверное решение, принятое после смерти папы, – например, она продала все отцовские вещи, даже ружье и патронташ. Он злился на Эдуардо, молча терпевшего лишения и соглашавшегося с матерью во всем, что бы она ни говорила. А теперь Чиро был в ярости от того, что вынужден жить в монастыре, – это как рыбе жить на дереве. В поступках матери не было ни капельки здравого смысла. Ее объяснения его не устраивали. Она лишь вечно повторяла, что он должен хорошо себя вести. Но кто решает, что такое хорошо?

- Чиро, возвращайся! – Эдуардо стоял в дверном проеме.
- Оставь меня в покое!
- Быстро, Чиро. – Эдуардо вышел наружу, закрыв за собой дверь. – Я не шучу!

Тон, которым Эдуардо это произнес, лишь распалил гнев Чиро, как спичка поджигает сухой хворост. Этот задавака ему не отец, не мать. Чиро развернулся к брату и ударил. С каждым взмахом кулака голова Эдуардо громко стучалась о кирпичи. Чиро слышал этот глухой

звук, но не останавливался, только пуще распялся. Эдуардо упал, сжался, прикрывая лицо руками, пытаясь подставить спину.

– Так ее не вернуть!

Силы Чиро иссякли, и он рухнул на землю. Эдуардо откатился от брата, который, стоя на коленях, прятал лицо в ладонях. Чиро не хотел, чтобы Эдуардо видел его слезы. Он знал: если начнет реветь, уже не остановится.

Эдуардо встал и одернул манжеты слишком коротких рукавов. Расправил брюки и подтянул их, пригладил волосы.

– Нас выгонят, если будем драться!

– Пускай. Я все равно убегу. Не останусь здесь.

Мысль о побеге придала Чиро сил, взгляд его заметался по площади. Оттуда вело по меньшей мере шесть дорог. Раз его ничего больше не держит в родном городе, можно подняться в горы, в Монте-Изола, или пройти несколько миль вниз, до Альцано. Кто-нибудь да приютит.

Эдуардо заплакал.

– Не бросай меня одного.

Чиро взглянул на брата – все, что осталось у него от семьи, и понял вдруг, что ему гораздо больше за него, чем за самого себя.

– Хватит реветь, – сказал он.

Утреннее солнце уже поднялось над горизонтом, и торговцы отпирали двери лавок, снимали щиты, закатывали свои фургоны в колоннаду. Одетые в тускло-серое – цвет низкой каменной стены, окружавшей городок, – разносчики толкали тележки, выкрашенные в ярко-красный, желтый и белый. Тележки были наполнены глянцевыми каштанами, серебристыми ведрами с плетенками свежего белого сыра в чистой ледяной воде, мотками многоцветных шелковых нитей, накрученных на деревянные сердечники, корзинами со свежими буханками хлеба, льняными мешками со связками трав для припарок – всем, чем только можно было торговать.

Появление людей помогло Эдуардо взять себя в руки. Он посмотрел вдаль, туда, где главная улица изгибалась, чтобы слиться с дорогой. Но этот путь ничего для него не значил, он не мог вывести их с братом из того тупика, в котором они очутились. Утренний туман рассеялся, от холода Эдуардо было больно дышать.

– Куда мы пойдем?

– Можем отправиться вслед за мамой. Уговорим ее передумать.

– Мама не может о нас позаботиться.

– Но она же наша мама! – возразил Чиро.

– Мать, которая не может заботиться о детях, бесполезна. – Эдуардо открыл дверь и придержал ее: – Пойдем.

Чиро переступил монастырский порог. На сердце у него лежала тяжесть – тоска по маме и стыд за содеянное с братом. В конце концов, Эдуардо не виноват ни в том, что они оказались в Сан-Никола, ни в событиях, которые к этому привели.

Может, от монахинь и будет польза, подумал Чиро. Может, их молитвы помогут маме вернуться прежде, чем наступит лето. Чиро попросит монашек вспоминать о ней, перебирая четки. Но что-то говорило ему, что всем стеклянным бусинам в этих горах не под силу вернуть Катерину домой. И, как бы ни утешал его Эдуардо, Чиро был уверен, что никогда больше не увидит мать.

Чиро проплакал всю ночь, пока не заснул, а утром обнаружил, что Эдуардо спит на полу рядом с ним, потому что койки, которые им выделили сестры, были слишком малы, чтобы вместить их обоих. Чиро никогда не забыл этот добрый поступок, который Эдуардо повторял потом не раз, даже когда вырос. Долгие годы любовь Эдуардо была для Чиро единственной

защитой. Сестра Тереза кормила их, сестра Доменика поручала им работу, сестра Эрколина учила их латыни, но именно Эдуардо присматривал за душой Чиро и пытался заменить ему исчезнувшую маму.

2

Красная книга Un Libro Rosso

На полпути вниз, лишь только перевалило за полдень, Марко остановился на окраине Клузоне, чтобы дать Чипи отдых. Он помог Катерине выбраться из двуколки. Та поблагодарила, впервые с начала пути обратившись к нему.

Марко достал жестянку и предложил ей свежую хрустящую булку, ломтики салями, домашнее печенье и бутылку сладкой газировки. Пока Марко открывал бутылку, Катерина вытащила из рукава платок и разложила на нем хлеб и салями. Взяв печенье, она откусила небольшой кусочек и начала медленно жевать.

Марко работал кучером с самого детства. Отец учил его не только тому, как заботиться о лошадях, подковывать и кормить их, изготавливать и содержать в порядке сбрую, но и как обслуживать клиентов. Марко до сих пор следовал отцовским правилам: *«Извозчик должен знать свое место и говорить, только если к нему обратятся. Половина условленной платы взимается в начале пути, остальное – в конце. Извозчик должен предоставить сильную лошадь и чистую повозку, а также корм для лошади, хранящийся отдельно. Если путешествие длинное, нужно сделать несколько остановок, о которых сообщить клиенту заранее. Клиенту следует предложить еду и питье, а также трубку или нюхательный табак, сигареты и спички. Извозчик должен хорошо представлять маршрут и знать, где на нем постоянные дворы, – на случай болезни или другого несчастья. Багаж клиента извозчик обязан доставить в целостности и сохранности в место назначения».*

Но сегодня Марко позабыл о правиле, запрещавшем заговаривать с пассажирами. Он думал о своих детях и знал, что синьора Ладзари тоже мать, – поэтому решил, что у них есть нечто общее. Образ мальчика, оставшегося в Вильминоре, разрывал ему сердце. Катерина держалась стойко, пока повозка не достигла развилки. И только тогда разрыдалась.

– Я сказал дочери, что за пределами долины Скальве снега не будет.

Марко осмотрел широко раскинувшуюся долину, замершую под искрящимся снегом и льдом. Холмы походили на изваяния из белого мрамора. Но дорога впереди казалась чистой. Марко предвидел единственную опасность: на пути им могли попасться участки гололеда.

– Вы были правы. – Катерина взяла еще печенье, разломала и протянула половину Марко.

– Спасибо, – сказал он и спросил: – У вас есть дочь?

– Нет. Два мальчика. Вы видели Чиро, а второго зовут Эдуардо. Он на год старше.

– Он тоже в монастыре?

Она кивнула. Посматривая на Катерину, которая была примерно его лет, Марко думал, что годы ее пощадили, не то что его. Подъемы до рассвета, чтобы позаботиться о животных, долгие дни в шахте за смехотворную плату и постоянная тревога о том, как прокормить семью, раньше срока состарили Марко – и внешне, и внутренне. А ведь бывали времена, когда даже такая красавица, как Катерина, могла положить на него глаз.

– Я всегда мечтала о дочери, – призналась она.

– Старшая у нас чудесная. Верная помощница нам с женой, никогда не жалуется. Энце всего десять, а она уже мудрая! У нас два сына и еще три дочери.

– Вы держите ферму?

– Нет, только эту повозку и лошадь.

Катерина не понимала, зачем Марко шестеро детей, если ему не требуются рабочие руки на ферме. Пара крепких сыновей в помощники – и достаточно.

– Похоже, у вас хорошая жена.

– Прекрасная! А ваш муж? – Марко с запозданием осознал, что столь личный вопрос неуместен. – Я спрашиваю только потому, что вы оставили своих мальчиков в монастыре.

– Я вдова, – ответила Катерина, но в подробности вдаваться не стала.

Даме из хорошей семьи не пристало откровенничать с извозчиком, даже если она и беднее его.

– Сестры в Сан-Никола очень добры, – сказал Марко.

– Да, это так.

Катерина подумала, что он намекает на конверт, который вручила ему сестра Доменика. По отношению к Катерине монахини были более чем щедры. Они не только взяли присматривать за мальчиками, но устроили и ее судьбу.

– Вашим сыновьям там будет хорошо.

– Я надеюсь.

– Много лет назад, когда я сам был мальчишкой, сестры из Сан-Никола дали мне памятную карточку. Она до сих пор при мне. – Марко полез в карман и вытащил маленькую открытку с золотым обрезом. На ней было изображено Святое семейство под защитой ангелов. – Мой талисман.

Катерина узнала открытку, отпечатанную в типографии ее отца. Их раздавали на праздниках – или похоронах, и тогда на обороте было вытеснено имя покойного. Катерина вспомнила ящики с открытками, стоявшие в печатне Монтини, и едва не расплакалась.

– Я понимаю, почему она поддерживает вас. Вы верующий?

– Да, – ответил Марко.

– А я уже нет. – Катерина вернула ему открытку.

Если бы эта картинка говорила правду! Катерина давно разочаровалась в ангелах и святых. Их способность утешать ушла вместе с мужем. Без помощи Марко она забралась обратно в двуколку, ее вдруг одолело раздражение.

– Нам еще долго ехать?

– К вечеру будем в Бергамо.

Они продолжили путь вниз по Пассо Персолана, миновали Понте-Носса, проехали через Кольцате, мимо Вертовы и сделали последнюю остановку в Нембро; там синьора Ладзари перед прибытием в Бергамо сменила дорожную одежду на приличествующий наряд. Марко предположил, что встреча, на которую ехала синьора, должно быть, очень важная. Она поправила прическу, шляпу и платье, которое когда-то было модным, но теперь обтрепалось по подолу и на манжетах. Извозчик и пассажирка больше не обменялись ни словом.

Энца закрыла деревянные ставни выходивших на улицу окон. Задвинула щеколду. Сквозь щели тянуло сквозняком, но в кухне было тепло: в очаге потрескивали дрова, к которым она добавила несколько кусков угля; вода, гревшаяся в котле для стирки, исходила паром.

Этот час Энца любила больше всего. Скильпаро окутано ночным сумраком, дети уложены, малышка Стелла спит в плетеной корзине, укрытая мягким белым одеяльцем. В отблесках пламени ее личико напоминало розовый персик.

Мать Энцы, Джакомина, трудолюбивая женщина с милым лицом и мягкими руками, помешивала молоко в стоявшем на огне горшке. Длинные каштановые волосы она старательно расчесывала, заплетала в две косы и аккуратно укладывала в низкий узел на затылке.

Джакомина стояла, склонившись над огнем, пока молоко не закипело, а затем перенесла горшок на каменную подставку, взяла с полки две керамические чашки, поставила на стол, бросила в каждую по кусочку масла и налила молока. Сняв с полки маленькую бутылочку с домашним бренди, добавила в свою чашку чайную ложку, а в чашку Энцы – пару капель. Хорошенько перемешала и украсила чашки оставшейся в горшке пенкой.

– Это тебя согреет! – Джакомина вручила Энце ее чашку.

Они сели за обеденный стол, сбитый из широких ольховых досок. Вдоль него стояли две длинные лавки. Энца мечтала о том, как однажды купит матери столовый гарнитур полированного красного дерева, мягкие стулья и новый фарфоровый сервиз вроде того, что у синьоры Ардуини.

– Папе пора бы уже вернуться.

– Ты же знаешь, что обратная дорога в горы всегда дольше. – Мама отпила молока. – Я дождусь его. А ты иди спать.

– У меня стирка, – возразила Энца.

Джакомина улыбнулась. Стирка могла подождать и до утра, но Энце требовался предлог, чтобы не ложиться, пока не вернется отец. Так бывало каждый раз. Энца не могла уснуть, пока все члены семьи не оказывались дома, в безопасности, и не спали в своих постелях.

– Мама, расскажи что-нибудь! – Энца потянулась к матери, сжала ее руку. Покрутила золотое обручальное кольцо на ее пальце, ощущая неровности там, где на золоте были выгравированы розовые бутоны. На взгляд Энцы, то было самое красивое кольцо на свете.

– Энца, я устала.

– Ну пожалуйста! Расскажи о своей свадьбе!

Энца слышала историю их любви столько раз, что собственные отец и мать стали для нее вечно юными героями волшебной сказки. Энца изучала свадебную фотографию родителей словно карту. Ей чудилось, что на снимке предопределена их судьба, вся будущая совместная жизнь. Жених и невеста напряженно застыли на стульях. Мама крепко сжимает букет скромных горных астр, папина рука лежит у нее на плече.

– Твой отец приехал повидаться со мной как-то раз в воскресенье. Мне тогда было семнадцать, ему – восемнадцать, – в который уже раз начала Джакомина свою историю. – Он управлял двуколкой, тогда она еще принадлежала его отцу и была белого цвета. В то утро он наполнил ее свежими цветами. На скамье едва оставалось место для него самого. Грива Чипи, совсем еще молоденького, была украшена розовыми лентами. Папа подъехал к нашему дому, бросил поводья, спрыгнул с козел, вошел в дом и спросил у моего отца позволения на мне жениться. Я была в семье последней невестой на выданье. Пять дочерей папа уже пристроил, и когда пришла моя очередь, то он едва поднял глаза от трубки. Просто сказал «да», и мы отправились к священнику, так-то вот.

– И папа сказал...

– Твой папа сказал, что хочет семь сыновей да семь дочерей.

– А ты сказала...

– Что семерых детей хватит.

– А теперь у вас шестеро.

– Господь должен нам еще одного, – поддразнила ее Джакомина.

– Думаю, у нас тут достаточно малышей, мама. Нам едва хватает еды, чтобы всех прокормить, и что-то я не вижу, чтобы Господь хоть раз явился на порог с мешком муки.

Джакомина улыбнулась. Она все больше ценила мрачноватый юмор Энцы. У старшей дочери был зрелый взгляд на мир, и Джакомину даже беспокоило, что Энца слишком уж озабочена взрослыми проблемами.

Энца подошла к огню, чтобы проверить, как там подвешенный над очагом железный котел, полный воды из растопленного снега. В другом котле, поменьше, была чистая вода для полоскания. Энца сняла котел с огня и поставила на пол. Затем подняла деревянную корзину, полную ночных рубашек, и вывалила их в воду. Добавила щелок и стала помешивать белье металлическим прутом, стараясь, чтобы щелок не попал на кожу. Рубашки прямо на глазах становились белоснежными.

Энца слила лишнюю воду в пустой горшок и оттащила его на другой конец кухни, где отец сделал в полу желоб к трубе, спускавшей отходы вниз по горному склону. Выжав рубашки

руками, она передала их матери, а та развесила белье над огнем. Мать и дочь вместе быстро справились с тяжелой работой. Запах щелока, сдобренного несколькими каплями лавандового масла, наполнил комнату свежим ароматом лета.

С улицы донеслись шаги. Джакомина и Энца бросились к двери. Марко на крыльце отряхивал снег.

– Папа!

Марко вошел в дом и обнял Джакомину.

– Синьор Ардуини заходил за деньгами сегодня утром, – прошептала она.

– И что ты ему сказала? – Он поднял Энцу и поцеловал ее.

– Попросила подождать возвращения мужа.

– Он улыбался?

– Нет.

– А сейчас улыбается. Я остановился около его дома и заплатил за аренду. Вовремя, даже тридцать пять минут в запасе осталось.

Энца и Джакомина обняли Марко.

– Девочки, вы что думали – я вас подведу?

– Я точно не знала, – честно сказала Энца. – Гора очень высокая, снега много, а лошадь у нас старая. А еще иногда, даже если ты хорошо работаешь, пассажиры платят только задаток, а со второй половиной ты пролетаешь.

Марко рассмеялся:

– Ну, на этот раз – нет!

Он выложил на стол две хрустящие новенькие лиры и золотой кругляш. Энца, замороженная этим сокровищем, коснулась каждой купюры и покрутила монетку.

Джакомина взяла с плиты гревшуюся там сковороду с обедом для мужа. Она подала ему запеканку из масляной поленты со сладкой колбасой и налила стакан бренди.

– А куда ты вез пассажирку, папа?

– К Доменико Пикарацци, доктору.

– Интересно, зачем ей доктор... – Джакомина положила рядом с тарелкой краюху хлеба. – Она выглядела больной?

– Нет. – Марко отхлебнул бренди. – Но она страдает. Думаю, что она овдовела совсем недавно. Она только что отдала сыновей в монастырь в Вильмиоре.

– Бедняжки, – сказала Джакомина.

– Только не думай взять их к себе, Мина.

Энца давно заметила, что отец называет мать уменьшительным именем, когда чему-то противится.

– Два мальчика. Примерно одних лет с Энцей – десять и одиннадцать.

Сердце Джакомины сжалось при мысли об одиноких мальчишках.

– Мама, мы не можем взять их, – сказала Энца.

– Почему нет?

– Потому что это еще двое детей, а Господь собирался послать тебе только одного.

Марко засмеялся. Энца составила горшки и котлы для стирки возле плиты и, поцеловав родителей, полезла по лестнице на чердак.

На цыпочках она пробралась в темноте мимо колыбели, в которой посапывала Альма, к большому соломенному матрасу, где вповалку спали другие сестры и братья. Их тела сплетались, как прутья в корзине. Она отыскала местечко на дальней стороне топчана и забралась под одеяло. От тихого дыхания малышей ей сделалось покойно.

Энца молилась не крестясь, не читая «Розарий»⁶, не повторяя знакомых литаний на латыни из вечернего чина. Она просто взывала к ангелам, благодаря их, что привели отца домой в целостности и сохранности. Она представляла, что ее ангелы похожи на позолоченных путти, державших снопы пшеницы над дарохранильницей церкви в Барцесто, лицом они напоминали ее младшую сестренку Стеллу, еще младенца.

Энца молилась о том, чтобы не пришлось разлучаться с родителями. Она хотела жить с ними всегда, не надо ей замуж и своих детей не надо. Она не могла представить, что когда-нибудь в ней достанет отчаяния и храбрости, чтобы оторваться от всего, что она так хорошо знает. Она хотела всегда жить в этой деревушке, где родилась и она сама, и ее мать. Принимать на руки каждого младенца в день его появления на свет и хоронить каждого старика в день его смерти. Просыпаться каждое утро для того, чтобы жить и работать в тени Пиццо Камино, Корно Стелла и Пиццо дей Тре Синьорей⁷ – «святой троицы» горных вершин, перед которыми она трепетала всю свою жизнь.

Энца молилась, чтобы ей довелось помогать своей матери растить детей и, может, еще одного, если Господь ниспошлет его. Она надеялась, что это будет мальчик, дабы Баттиста и Витторио не чувствовали себя в меньшинстве. Она молилась о терпении, потому что дети – это уйма работы.

Энца молилась, чтобы у отца скопилось достаточно лир, чтобы купить дом, – тогда они перестанут жить в страхе перед падроне. Когда наступал первый день месяца, приходил и синьор Ардуини. Энца ждала этого со страхом, потому что иной раз Марко не мог выплатить аренду. Так что Энца любила представлять, как карманы ее отца наполняются золотыми монетами. Живое воображение помогало ей не впадать в отчаяние – грядущие опасности можно было прогнать одной силой духа. Энца могла нарисовать выход из любого затруднения, и до сих пор мир подчинялся ее воле. Этой ночью ее семья в безопасности, в сытости и тепле, аренда выплачена, а в жестянке, которая слишком долго пустовала, теперь есть толика денег.

Весь день она представляла, как отец взбирается в гору, мысленно видела каждый изгиб дороги, остановки, когда Чипи ел овес, а папа наслаждался дымом сигареты. Слышала цоканье копыт, каждый их удар о землю и то, как эти удары влекли отца, целого и невредимого, назад, к дому, один за другим, словно неумолчное тиканье часов. И вот отец дома, вернулся безо всяких происшествий и с обещанными тремя лирами в кармане. Эти деньги помогут продержаться долгую зиму. Энца знала, как им посчастливилось, и жалела, что вовсе не каждый здесь, в горах, разделяет эту удачу. Папа хорошо поработал, и ему заплатили. И все у них хорошо. Уже засыпая, она увидела молодую вдову, тоскующую по мужу и сыновьям. «*Poverella*»⁸, – подумала Энца.

⁶ Розарий – традиционные католические четки из чередующихся бусин разного размера, а также молитва, читаемая в особой последовательности по этим четкам. Молитва «Розария» представляет собой чередование «Отче наш», «Радуйся, Мария» и «Слава», на латыни соответственно «*Pater noster*», «*Ave Maria*» и «*Gloria*».

⁷ Названия этих гор можно перевести с итальянского как пик Трубы, Звездный Рог и пик Трех Синьор.

⁸ Бедняжка (*ит.*).

3

Серебряное зеркало Uno Specchio d'Argento

Шесть зим минуло с тех пор, как Катерина Ладзари оставила сыновей в монастыре. Ужасная зима девятьсот десятого наконец-то завершилась, как исполненная епитимья. Пришла весна, а с нею – рыжее солнце и теплые ветра. Они растопили снег на каждом утесе, каждой тропе, каждом гребне, выпуская на волю потоки чистой ледяной воды, голубыми лентами скапывавшиеся вниз.

Казалось, все жители Вильминоре высыпали на улицу и, улучив минутку, поднимали лица к абрикосовому небу, впитывая его тепло. Дел весною было невпроворот. Нужно было открыть ставни, вытряхнуть и вывесить на воздухе половики, выстирать полотно, а затем заняться садом.

Монахини Сан-Никола никогда не отдыхали.

Катерина не вернулась с наступлением лета, и следующей весной тоже, и постепенно сыновья смирились с разлукой. Разочарование омыло их, подобно струям водопадов, в которых они плескались у озера в горах над Вильминоре. Когда мальчики наконец получили от матери, запертой в монастыре в Венето⁹, письмо без обратного адреса, они перестали умолять сестру Эрколину отпустить их к Катерине. Но они поклялись отыскать ее, как только покинут Сан-Никола. Эдуардо был полон решимости привезти мать назад в Вильминоре, и неважно, сколько времени это потребует. Мальчики представляли мать под опекой монахинь в каком-то очень далеком месте, и сестра Эрколина уверяла, что так оно и есть.

Помимо заботы о храме и монастыре сестры заправляли в местной приходской школе при церкви Санта-Мария Ассунта и Святого апостола Петра. Они готовили для нового священника, дона Рафаэля Грегорио, вели его хозяйство, обстирывали падре, поддерживали в порядке облачение, заботились об алтарных покровах. Монахини отличались от прочих трудяг только тем, что их падроне носил «римский воротник»¹⁰.

Повзрослевшие братья Ладзари стали такой же неотъемлемой частью монастырской жизни, как и монахини. Мальчики сознавали, чего лишились, но вместо того чтобы без конца горевать по отцу и тосковать по матери, научились направлять свои чувства в иное русло, загружая себя работой.

Братья Ладзари сумели стать в монастыре незаменимыми, как Катерина и надеялась. Чиро взял на себя большинство обязанностей, до того лежавших на Игнацио Фарино, старом монастырском мастере на все руки. Игги было уже за шестьдесят, и он предпочитал работе свою трубочку, тенистое местечко под деревом и ласковое солнце. Чиро вставал с рассветом и работал до ночи: присматривал за очагами, доил коров, взбивал масло, выжимал свежие плети сыра скаморца, рубил дрова, выгребал уголь, мыл окна, скреб полы, в то время как Эдуардо, грамотея с кротким характером, определили секретарем в монастырскую контору.

Его безукоризненная каллиграфия нашла применение – Эдуардо отвечал на письма, писал отчеты, заполнял изящной вязью программки для торжественных служб и больших праздников. Кроме того, он, как более набожный из братьев, был удостоен чести прислуживать на ежедневных мессах и звонить в колокола, созывая монахинь к вечерне.

⁹ Регион, центром которого является Венеция.

¹⁰ Жесткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой, который носят католические или протестантские священники.

Чиро в свои пятнадцать вымахал под метр восемьдесят. Он окреп на монастырском рационе из яиц, пасты и дичи. Песочного цвета волосы и зеленовато-голубые глаза составляли яркий контраст с темной, истинно итальянской мастью жителей этих гор. Густые брови, прямой нос и пухлые губы были свойственны скорее швейцарцам, жившим к северу, за близкой границей. Однако темперамент у Чиро был истинно романский. Сестры смиряли его горячность, заставляя сидеть тихо и повторять молитвы. И он учился дисциплине и смирению, потому что хотел порадовать женщин, приютивших их с братом. Ради сестер из Сан-Никола он был готов на любые жертвы.

Не имея ни связей в обществе, ни семейного дела, которое можно было бы унаследовать, ни каких-либо перспектив, мальчики вынуждены были полагаться только на самих себя. Эдуардо изучал латынь, греческий и античных классиков, в то время как Чиро заботился о саде и постройках. Братья Ладзари получили монастырскую выучку, приобрели, столуясь с монахинями, прекрасные манеры. Они росли, не чувствуя поддержки близких, и это многого их лишило, но также даровало самостоятельность и зрелость.

Чиро шел через оживленную площадь, удерживая на плечах длинный деревянный валик, вокруг которого были обернуты свежевыглаженные алтарные покровы. Дети играли рядом с матерями, пока те мыли ступеньки своих домов, развешивали выстиранное белье, выбивали ковры и готовили вазоны и ящики для цветов к весенней посадке. Воздух был напоен запахом свежей земли. Все вокруг было исполнено радости от того, что месяцы изоляции наконец позади, – будто горные деревушки с облегчением выдохнули, освободившись от холодов и многослойных одежек.

Сбившаяся в кучку ребятня засвистела Чиро вслед.

– Осторожнее с панталонами сестры Доменики! – крикнул кто-то.

Чиро обернулся к мальчишкам, сделав вид, будто замахивается тяжелым валиком.

– Монашки не носят панталон, зато твоя сестра носит!

Мальчишки рассмеялись. Чиро двинулся дальше, крикнув напоследок:

– Передай от меня привет Магдалене!

Держался он точно генерал при полном параде, хотя на нем были всего лишь обноски из корзины с пожертвованиями. Он отыскал там пару плотных мельтоновых брюк и клетчатую рабочую рубашку из шамбре, но с обувью дело обстояло куда хуже. Ножищи у Чиро Ладзари вымахали огромные, и ботинки такого размера в корзине с пожертвованиями встречались не часто. На поясе у него позвякивала связка ключей, прицепленных к латунному кольцу, – тут были ключи от всех дверей в церкви и монастыре. По настоянию донна Грегорио алтарные покровы доставляли через боковой вход, дабы не мешать прихожанам заходить в церковь на протяжении всего дня и тем самым дать им возможность положить в ящик для бедных лишнюю монетку.

Чиро вошел в ризницу, небольшую комнату за алтарем. Воздух пах пчелиным воском и ладаном, напоминая об аромате в ящике комода. Розовый луч из круглого витражного окна падал на простой дубовый стол в центре комнаты. Вдоль стен стояли шкафы с облачениями.

С внутренней стороны на двери висело высокое зеркало в серебряной раме. Чиро вспомнил день, когда оно здесь появилось. Он еще подумал – странно, что священнику понадобилось зеркало. В конце концов, в ризнице его не было с четырнадцатого века. Чиро понял, что дон Грегорио повесил зеркало собственноручно: его тщеславие не настолько разрослось, чтобы он попросил об этой услуге Чиро. Человек, которому нужно зеркало, на что-то еще надеется.

Чиро положил покровы на стол, затем подошел к внутренней двери и заглянул в церковь. Скамьи были почти пусты. Там сидела лишь синьора Патриция д'Андреа, самая старая и набожная прихожанка в Вильминоре. На склоненную в молитве голову была накинута белая кружевная мантилья, придавая старушке вид поникшей лилии.

Чиро вошел в церковь, чтобы сменить лежавшие там покровы. Синьора д'Андреа поймала его взгляд и сурово посмотрела в ответ. Он вздохнул, встал перед алтарем, помедлил, преклонил колени и сотворил обязательное крестное знамение. Снова взглянул на синьору, которая одобрительно кивнула, и почтительно склонил голову. Губы синьоры сложились в довольную улыбку.

Тщательно свернув использованные покровы в тугой узел, Чиро отнес их в ризницу. Развязал атласные ленты, снял свежие покровы с валика и вернулся в церковь, неся перед собой вышитое белое полотно, подобно подружке невесты, поднимающей шлейф подвенечного платья.

Выворняв на алтаре накрахмаленный покров, он расставил по углам золотые подсвечники, чтобы прижать ткань. Достал из кармана маленький ножик и начал снимать капли воска со свечей, пока их поверхность не стала гладкой. Жест этот был данью матери. Она просила всегда делать то, что требуется, без напоминания.

Перед тем как уйти, он снова взглянул на синьору д'Андреа и подмигнул ей. Та покраснела. Чиро, монастырский сирота, вырос настоящим сердцеедом. С его стороны такое заигрывание было просто инстинктом. Чиро здоровался с каждой встречной, приподнимая свою подержанную шляпу, охотно помогал донести покупки и расспрашивал о семьях. С девочками своих лет он болтал с природной легкостью, восхищавшей других мальчишек.

Чиро ухаживал за всеми женщинами городка, от школьниц с их мягкими кудряшками до престарелых вдов, сжимавших в руках молитвенники. В женском обществе он чувствовал себя уютно. Иногда он думал, что понимает женщин лучше, чем представителей своего пола. И уж точно он знал о девушках больше, чем Эдуардо, который был таким невинным! Чиро гадал, что станет с братом, когда они покинут монастырь. Себя он считал достаточно сильным, чтобы смело встретить самое худшее, Эдуардо же – нет. Умнику вроде брата нужна монастырская библиотека, письменный стол с лампой и связи, которые давала церковная переписка. Чиро же точно сумеет выжить во внешнем мире. Игги и сестры научили его всякому ремеслу. Он может работать на ферме, чинить разные вещи и мастерить из дерева что угодно. Жизнь вне монастыря наверняка не сахар, но у Чиро были навыки, чтобы устроиться в этой жизни.

В ризницу вошел дон Рафаэль Грегорио. Он выложил на стол медные монеты из церковной копилки. Дону Грегорио было тридцать, рукоположили его совсем недавно. Он носил длинную черную сутану, застегивавшуюся снизу доверху на сотню маленьких пуговиц из эбенового дерева. Чиро гадал, благодарен ли священник сестре Эрколине, множество раз проходившей по петлям утюгом, чтобы те стали плоскими.

– Ты приготовил растения для посадки? – осведомился священник. Белоснежный римский воротник оттенял его густые черные волосы. Волевой подбородок, аристократический прямой нос и карие глаза с тяжелыми веками придавали ему вид сонного Ромео, тогда как вы ожидали встретить честный взгляд мудрого слуги Господа.

– Да, отец. – Чиро склонил голову, чтобы выразить священнику почтение, как его научили монахини.

– Я хочу, чтобы дорожку обсадили нарциссами.

– Учту ваше пожелание, падре, – улыбнулся Чиро. – Я позабочусь обо всем. – Он поднял со стола валик. – Я могу идти, дон Грегорио?

– Ступай, – ответил священник.

Чиро толкнул дверь.

– Я бы хотел хоть иногда видеть тебя на мессе, – произнес дон Грегорио.

– Падре, вы же знаете, как бывает. Если я не подою корову, не будет сливок. Если не соберу яйца, сестры не испекут хлеб. А если они не испекут хлеб, нам нечего будет есть.

Дон Грегорио улыбнулся:

– И все-таки можно найти время посетить службу.

– Это верно, падре.

– Так я увижу тебя на мессе?

– Я много времени провожу в церкви – подметаю, мою окна. Думаю, если Господь ищет меня, он знает, где меня найти.

– А моя работа в том, чтобы научить тебя искать Его, а не наоборот.

– Понимаю. У вас своя работа, у меня своя.

Чиро закинул пустой деревянный валик на плечо, как ружье, прихватил узел с покрывами для стирки и вышел. Дон Грегорио слышал, как Чиро свистит, уходя по дорожке, которая вскоре будет обсажена желтыми цветами.

Чиро открыл дверь комнаты, которую они с Эдуардо делили в домике садовника. Сначала братья жили в главном здании монастыря, на первом этаже. Келья была тесной и шумной. Постоянное шарканье монахинь, направлявшихся из монастыря в церковь, не давало мальчикам спать, а порывы зимнего ветра – входная дверь то и дело открывалась – врывались ледяными сквозняками. И Чиро с Эдуардо были счастливы, когда монахини переселили их в садовый домик, в большую, хорошо освещенную комнату. Сестра Тереза и сестра Анна-Изабель постарались сделать комнату уютной: освободили захламленное помещение от старых цветочных горшков, корзин для обрезков и старомодных садовых инструментов, развешенных по стенам, точно украшения. Монахини перенесли в домик две крепкие кровати, шерстяные одеяла и подушки – плоские, как облатки для причастия. В комнате появились также стол и масляная лампа, керамический кувшин и таз на подставке рядом со столом. У мальчиков было самое необходимое, но и только.

Чиро рухнул на свою койку, Эдуардо занимался за столом.

– Я подготовил камин, все до одного.

– Спасибо. – Эдуардо не отрывал глаз от книги.

– И видел сестру Анну-Изабель в одной юбке. – Чиро перекатился на бок и отстегнул кольцо с ключами от пояса.

– Я надеюсь, ты отвел глаза.

– Пришлось. Я должен хранить верность.

– Богу?

– Проклятье, нет. Я же влюблен в сестру Терезу, – поддразнил брата Чиро.

– Ты влюблен в ее равиоли с каштанами.

– И в них тоже. Женщина, которая может примирить меня с тем, что мы всю зиму едим каштаны, для меня самая прекрасная.

– Это все приправы. Много шалфея и корицы.

– Откуда ты знаешь?

– Видел, как она готовит.

– Если когда-нибудь оторвешь голову от книги, сможешь заполучить какую-нибудь девочку.

– Тебя только две вещи интересуют: девушки и когда обед, – улыбнулся Эдуардо.

– И в чем проблема?

– Чиро, у тебя светлая голова.

– Я ею пользуюсь.

– А можешь пользоваться больше.

– Лучше выезжать на своей наружности, как дон Грегорио.

– У него не только внешность. Он образованный человек. Принявший сан. Ты должен уважать его.

– А тебе не следует его бояться.

– Я не боюсь его. Я его почитаю.

– Тьфу. Святая Римская церковь меня не интересует. – Чиро скинул ботинки. – Свечи, колокола, мужчины в платьях. Ты видел в колоннаде Кончетту Матроччи?

– Да.

– Вот красавица! Эти золотые волосы! Это лицо! – Он мечтательно закатил глаза. – И фигура! – Чиро присвистнул.

– Она уже три года в одном и том же классе в школе при церкви Санта-Мария Ассунта. Умом не блещет.

– Может, ей просто не по нраву корпеть над книжками. Может, она мечтает повидать мир. Может, хочет, чтобы я прокатил ее в коляске.

– У тебя есть велосипед.

– Ты и вправду ничего не знаешь о девушках. Им нужно самое лучшее – или ничего.

– Кто научил тебя, как обращаться с женщинами? Игги?

– Сестра Тереза. Она втолковала мне, что женщины заслуживают уважения.

– Она права.

– Ну, про всех я не уверен. – Чиро казалось, что уважением не стоит разбрасываться, как разбрасывают зимой сено на ледяных дорожках. Его еще надо заслужить.

– Если ты выкажешь хоть небольшое усердие в духовной жизни и хоть иногда потрудишься приходить к мессе, возможно, дон Грегорио одолжит тебе коляску, – сказал Эдуардо.

– Ты с ним ладишь. Спроси, могу ли я взять ее.

– Придется тебе ходить пешком. Не стану я его просить.

– Бережешь его благосклонность для чего-то более важного?

– Что может быть важнее Кончетты Матроччи? – сухо ответил Эдуардо. – Сам подумай. Коляска священника доставляет лекарства больным. Отвозит стариков к доктору. Развозит еду бедным...

– Ладно, ладно. Я понял. Стремлениям моего сердца не сравниться с деяниями милосердия.

– Даже близко.

– Придется придумать, чем еще ее поразить.

– Поработай над этим, а я продолжу изучать Плиния, – откликнулся Эдуардо, пододвигая лампу поближе к книге.

Каждую пятницу дон Грегорио служил утреннюю мессу для учеников приходской школы. В почтительном молчании они входили в церковь по двое, младшие впереди, вслед за сестрой Доменикой и сестрой Эрколиной.

На девочках были серые шерстяные платья без рукавов, белые блузки и голубые муслиновые передники, а мальчики носили темно-синие свободные брюки и белые рубашки. По выходным матери стирали сине-белую форму и развешивали ее на веревках по всей деревне. Издали казалось, что это реют на ветру морские флаги.

Чиро стоял за колонной на переполненной галерее, прямо над скамьями и вне поля зрения дона Грегорио. В школе оставались только два мальчика его возраста, большинство бросали учиться в одиннадцать, чтобы работать в шахтах. Пятнадцатилетние Роберто ла Пенна и Антонио Баратта были исключением, они собирались стать врачами. Роберто и Антонио прошли к алтарю, преклонили колени и отправились в ризницу, чтобы, переодевшись в красные стихари, прислуживать дону Грегорио.

Чиро наблюдал, как девочки постарше одна за другой усаживаются на скамью. У Анн Калабрезе, старательной и скромной, очаровательные ножки – тонкие лодыжки и маленькие ступни. У Мари де Каро, долговязой и нервной, осиная талия и стройные бедра. А у пухленькой Лилианы Гондольфо – высокая грудь, мягкие руки и безразличный волоокий взгляд.

Кончетта Матроччи, самая красивая девочка в Вильминоре, скользнула на скамью последней. И Чиро немедля охватило любовное томление. Кончетта обычно опаздывала к мессе, и Чиро решил, что она не более набожна, чем он сам. Эта небрежность сквозила и в ее естественной красоте.

Светлые волосы Кончетты, точно в тон золотой вышивке на облачении дона Грегорио, свободно спускались на плечи, лишь две тонкие косички обвивали голову наподобие лаврового венка. Кончетта была хрупкой и бледной, лицо цвета ванильного пирожного, присыпанного сахарной пудрой. Синие глаза того же оттенка, что волны озера Эндине, а ресницы напоминали черный песок побережья. Несмотря на хрупкое сложение, формы Кончетты радовали глаз. Чиро так и представлял, как поднимает ее на руки.

Чиро сполз на пол, прислонился спиной к колонне и битый час глазел через перила на предмет своей страсти.

Следя за ходом мессы, Кончетта обычно то поднимала глаза к витражной розе над алтарем, то утыкалась взглядом в раскрытый молитвенник.

*O salutaris Hostia,
Quae caeli pandas ostium,
Bella premut hostilia,
Da robur, fer auxilium*¹¹.

Чиро воображал, как целует влажные розовые губы, произносящие зазубренную латынь. Кто только придумал женщин, размышлял он. Чиро мог не верить обещаниям Святой Римской церкви, но признавал, что от Господа есть толк, раз создал такую красоту.

Бог придумал девушек, и одно это делает Его гением, подумал Чиро, когда девочки поднялись с колен и вышли в главный проход.

Чиро во все глаза глядел из-за колонны, как Кончетта преклоняет колени для причастия. Дон Грегорио положил тонкую облатку на язык Кончетте, она склонила голову и перекрестилась, прежде чем встать. Каждое ее движение было предсказуемо. Чиро не отрывал от нее глаз, пока она возвращалась к скамье, где сидели другие девочки.

Почувствовав, что на нее смотрят, Кончетта подняла глаза к галерее. Чиро поймал ее взгляд и улыбнулся ей. Кончетта поджала губы, а затем склонила голову в молитве.

Дон Грегорио пропел:

– *Per omnia saecula saeculorum*¹².

Ученики ответили:

– *Amen*.

Они поднялись с колен и снова уселись на скамьи.

Лиана склонилась к уху Кончетты и что-то прошептала, та улыбнулась в ответ. Чиро вглядывался в ее улыбку, особый дар этого весеннего утра, – обычно во время мессы не улыбались. Мимолетный взгляд на ее белые зубы и совершенные ямочки – отличная плата за то, что встал до рассвета, чтобы открыть церковь.

Чиро планировал свой день в надежде где-нибудь столкнуться с Кончеттой. Отправляясь с поручением, он мог сделать крюк, чтобы взглянуть, как она идет из школы в храм. Он мог пропустить ужин и ходить голодным ради единственного короткого «чао, Кончетта», когда она прогуливалась со своей семьей во время *la passeggiata*¹³. Одной ее улыбки было довольно,

¹¹ О Жертва искупления, Врата небес открывшая, Теснят нас силы вражие, Дай помощь нам и мужество. Молитва, текст которой приписывают Франциску Ассизскому. Часть литургии, молитва перед принятием Святых Даров (*лат.*).

¹² Во веки веков (*лат.*).

¹³ Прогулка (*ит.*).

чтобы поддержать его силы. Кончетта вдохновляла его на то, чтобы работать лучше, чтобы быть лучше. Чиро надеялся произвести на нее впечатление еще не известными ей сторонами своего характера – например, прекрасными манерами, которые воспитали в нем монахини. Похоже, что хорошие манеры молодого человека важны для юной дамы. Чиро знал, что если представится случай, то он сможет сделать Кончетту счастливой. Из смутных глубин памяти он извлек воспоминание о том, что когда-то его отцу удалось составить счастье его матери.

Ученики преклонили колени для последнего благословения.

– *Dominus vobiscum*¹⁴. – Дон Грегорио простер руки к небу.

Ученики ответили:

– *Et cum spiritu tuo*¹⁵.

– *Abi in pace*¹⁶. – Дон Грегорио сотворил в воздухе крестное знамение.

Чиро смотрел, как Кончетта прячет молитвенник в специальный ящик на спинке скамьи. Месса закончилась. Чиро должен был идти с миром. Однако не смог бы, по крайней мере в обозримом будущем, пока Кончетта Марточчи жила на свете.

Над Скильпаро, рядом с водопадом, раскинулся луг, заросший рыжими лилиями, на котором любили играть дети Раванелли. Солнце уже вовсю припекало, но горный ветерок дарил прохладу. Эти дни, звавшиеся *freddo caldo*¹⁷, длились только до Пасхи, и Энца старалась воспользоваться ими в полной мере. Каждый день после полудня она собирала сестер и братьев и вела их в горы.

Следы зимы еще давали о себе знать: промоины от сильных дождей, лужи, раскисшая земля. Но спутанные заросли низкого кустарника в ущельях уже отогревались на солнце, и коричневые ветви пускали бледно-зеленые побеги. Вмятины на тропинке, где скапливалась и замерзала вода, обратились с приходом тепла в ямы с черной грязью; бежавшая вниз вода оставила широкие полосы ила: снег таял слишком быстро, переполняя ручьи. Но это было неважно. После долгих месяцев серого уныния повсюду наливалась силой зелень.

Каждый год с приходом весны Энца чувствовала облегчение. Величественные горы зимой наводили на нее трепет. Сверкающий снег таил смертельную опасность, коварные лавины хоронили под собой дома и уничтожали дороги. В этих краях люди жили в вечном страхе оказаться внезапно изолированными от всего мира, когда нехватка еды и неизбежные болезни сожмут в тиски целые семьи, – даже до врача нельзя добраться, если понадобится.

Но солнце несло освобождение.

Весной ребягтя разбегалась по Альпам, как разлетается пух одуванчика. Утро было заполнено повседневными обязанностями: принести воды, набрать хвороста, почистить одежду, развесить выстиранное белье, подготовить сад к новому урожаю. А день можно было посвятить игре – дети запускали змеев, сделанных из полосок старого муслина, плавали в неглубоком пруду под водопадом или читали в тени сосен.

*Primavera*¹⁸ в Итальянских Альпах – как шкатулка с драгоценностями, распахнутая под лучами солнца. Кусты красных пионов, подобно оборкам из тафты, обрамляли бледно-зеленые луга, а дикие белые орхидеи карабкались по блестящим графитово-черным скалистым уступам. Белые пушистые шарики аллиума окаймляли дорожку, а гроздь розовых рододендронов сверкали среди темно-зеленой листвы.

¹⁴ Господь с вами, – формула прощания и благословения (*лат.*).

¹⁵ И с духом твоим (*лат.*). (Аналог в церковнославянском – «И духове твоему».)

¹⁶ Идите с миром (*лат.*).

¹⁷ Freddo – холод, caldo – тепло (*ит.*).

¹⁸ Весна (*ит.*).

Весной и летом не бывало голода – дети собирали сладкую ежевику и пили чистую холодную воду горных потоков, черпая ее сложенными чашечкой ладонями.

Девочки рвали дикие розовые астры и складывали в корзины, чтобы поставить у ног Девы Марии в придорожном святилище, а мальчики находили гладкие лиловые камни и волокли их домой для садовой ограды. Ели ребятишки в это время только на воздухе и спали днем прямо в траве альпийских лугов.

Если весна была подарком после зимних лишений, то лето с его жарким солнцем, сапфировым небом и голубыми озерами – всеобщей мечтой. Горы наводняли путешественники с набитыми серебром карманами, на отдыхе они охотно расставались с деньгами. Ребяшня радовалась гостям, дававшим щедрые чаевые, когда им подносили саквояжи, бегали по их поручениям или предлагали корзиночки с малиной, свежий лимонад.

Направляясь к озеру, Энца тащила закрытую крышкой корзину, полную провизии. Она вдыхала живительный горный воздух, сладко пахнущий соснами, и чувствовала, как шею ласкают солнечные лучи. Она улыбалась: домашние хлопоты на сегодня закончились, и с собой у нее была новая книга. «Алый первоцвет»¹⁹ лежал в корзине рядом со свежими пирогами, испеченными матерью. Учитель Энцы, профессор Маурицио Трабуко, вручил ей книгу как приз за лучшие оценки в классе.

– Стелла, пойдем! – Энца обернулась, чтобы отыскать младшую сестру, отставшую от других. Стелле было пять, и Энца каждое утро заплетала ее длинные тяжелые косы. Девочка остановилась, чтобы сорвать желтый лютик. – На лугу полно цветов!

– А мне нравится этот, – ответила Стелла.

– Так возьми его, – нетерпеливо сказала Энца. – *Andiamo*²⁰.

Стелла сорвала лютик, крепко зажала его в кулачке, побежала впереди сестры по тропинке, вскарабкалась на четвереньках на крутой пригорок и исчезла в кустах, пытаясь догнать сестер и братьев.

– Будь осторожна! – крикнула Энца.

Взобравшись на самый верх, она увидела, как братья и сестры бегут по зеленому лугу к водопаду. Баттиста остановился, чтобы закатать брюки. Витторио сделал то же самое, а затем вслед за братом шагнул в неглубокий пруд – вода стояла там чуть выше лодыжек. Они начали плескаться, потом бороться в воде, хохоча, когда оступались и падали.

Элиана поодаль карабкалась на дерево. Хватаясь длинными руками за ветки, она поднималась все выше и выше. Стоявшие на земле Альма и Стелла подбадривали ее, хлопая в ладоши.

Энца опустила корзину на землю рядом с диким апельсиновым деревцем в цвету, откинула крышку, вытащила муслиновую скатерть, развернула ее и, расстелив на земле, расправила углы. Посматривая на сестер и братьев, нырнула в корзину за книгой. Убедившись, что дети играют и с ними все в порядке, она устроилась на краешке скатерти – легла и приготовилась читать.

Книгу она держала так, чтобы защитить лицо от яркого солнца. Вскоре Энца уже была во Франции тех времен, когда под ударами гильотины летели головы, плелись дворцовые интриги, а таинственный человек оставлял вместо подписи контур красного цветка.

Энца прочла первую главу, потом вторую. Положив книгу на грудь, закрыла глаза. Она видела себя в красном платье из чесучи, волосы подняты наверх и припудрены – вылитые меренги, а щеки пламенеют ярко-розовыми румянами. Энца гадала, каково это – жить в другом

¹⁹ Приключенческий роман баронессы Эммы Орци (1865–1947), изданный в 1905 году, о британском шпионе-аристократе и роялисте на территории Франции во время «Белого террора».

²⁰ Пойдем (*um.*).

месте, в другом времени, с другой семьей, с другой, непохожей судьбой. Кем бы она тогда была? Кем бы могла стать?

– Мы проголодались, – сказала Альма.

– Думаешь, уже пора? – спросила Энца.

Альма взглянула на солнце:

– Почти час дня.

– Молодец, правильно определила. Время обеда. Зови братьев и сестер.

Альма побежала выполнять поручение, а Энца начала распаковывать корзину. Мама сделала сэндвичи с моцареллой, помидорами и молодыми листьями одуванчика, обрызганными медом, и завернула их в чистые льняные салфетки. В корзине было по два сэндвича на каждого и еще по одному для мальчиков. А также кувшин со свежим лимонадом и золотистые ломтики круглого кекса.

Энца устроила настоящее пиршество для сестер и братьев. Мальчики, мокрые после беготни по воде, осторожно опустились на колени у дальнего края скатерти. Стеллу Энца посадила к себе на колени.

– Она уже не маленькая, – сказала Альма.

– Я всегда буду относиться к ней как к маленькой, – ответила Энца. – В каждой семье должен быть свой малыш.

– Мне пять! – Стелла растопырила пять пальцев.

– Для белых грибов плохой будет год, – сказал Баттиста с набитым ртом. – Земля совсем сырая.

– Еще слишком рано, – ответила ему Энца. – И не тебе теперь беспокоиться о грибах. Этим летом ты будешь помогать папе.

– Я бы лучше на трюфели охотился.

– Одно другому не мешает.

– Хочу заработать много-много денег. Продам трюфели французам. Они простофили, – сказал Баттиста.

– Ну и грандиозные у тебя планы, – с издевкой откликнулась Элиана.

– А я буду помогать папе, – сказал Витторио.

– Мы все будем помогать папе. Он собирается этим летом много выручить с пассажиров, – сказала Энца.

– Ну, удачи. Чипи не дотянет до лета, – сказал Баттиста.

– Не говори так! – Глаза Альмы наполнились слезами.

– Не расстраивай сестру, – укорила Энца Баттисту. – Никто не знает, сколько Чипи еще будет с нами. Оставим это Господу и святому Франциску.

– Чипи отправится на небеса? – спросила Стелла.

– Когда-нибудь, – тихо ответила Энца.

Альма поднялась:

– Я хочу походить по воде!

Солнце, стоявшее в самом зените, сильно припекало. Даже Энце стало жарко, когда она подвела детей к мелкому пруду. Она тоже сняла обувь и длинные вязаные шерстяные носки. Приподняла юбку, завязала ее почти под самой блузкой с длинными рукавами и вошла в пруд. Лодыжки обжег холод.

– Давайте танцевать! – воскликнула Стелла.

Вскоре дети плескались на прохладном мелководье. Стелла упала и расхохоталась. Энца подняла ее, прижала к себе, а Элиана, Альма, Баттиста и Витторио пошли вброд к водопаду, чтобы встать под его холодные струи.

Сквозь чистую воду пруда Энца заметила нечто странное. Она нагнулась. Тонкие ножки Стеллы словно припухли. Целая сеть кровоподтеков протянулась от лодыжек к бедрам.

– Стелла, встань-ка.

Стелла поднялась, и в ярком солнечном свете Энца внимательно осмотрела тыльную сторону ног и увидела еще синяки, доходившие до верхней части бедер. В панике она проверила спину и руки сестры. Там тоже были синяки – как голубые камни, виднеющиеся на мелководье.

– Эли, иди сюда! – позвала Энца сестру.

Тринадцатилетняя Элиана, высокая, гибкая и сильная, медленно подошла к ним.

– Что?

– Видишь?

Элиана посмотрела на Энцу, отбросив с лица волосы, потом повернулась к младшей сестре.

– Кто ее бил? – резко спросила Энца.

– Никто Стеллу не бил.

– Она падала?

– Я не знаю.

– Баттиста! – закричала Энца.

Баттиста и Витторио были на дальнем конце водопада, очищали камни от лишайника. Энца помахала им, чтобы подошли. Она подняла Стеллу, поднесла к расстеленной на земле скатерти и вытерла своим фартуком. Зубы у девочки стучали, напуганная суетливыми движениями Энцы, она заплакала.

– Что я сделала? – всхлипнула Стелла.

Энца притянула ее к себе.

– Ничего, *bella*²¹, ничего. – Она подняла взгляд на Элиану: – Нужно домой. – И прикрикнула: – Сейчас же!

Энца смотрела, как сестра собирает детей, и ее захлестывал ужас.

Она пересчитала братьев и сестер по головам, совсем как мать, когда они ходили в соседние деревни на праздники, – чтобы уследить за каждым, чтобы не потерять никого в толпе, чтобы не украли цыгане.

Стелла, пытаясь согреться, прильнула к старшей сестре, крепко вцепилась в нее. Мама всегда говорила, что в хорошей семье сердца бьются как одно. Никто не знает тебя так хорошо, как те, с кем ты вместе живешь, никто не сможет так защитить тебя перед всем миром, как кровные родственники.

Энца знала все о капризности Баттисты, смелости Элианы, самовлюбленности Витторио, неугомонности Альмы и доброй душе Стеллы. Когда смеялся один, подхватывали все. Когда один боялся, все старались укрепить его смелость. Когда одному нездоровилось, вскоре и остальные чувствовали боль.

Но особенно глубокая связь была между самой старшей и самой младшей сестрами. Энца и Стелла были как начало и конец, как альфа и омега, как твердые крышки переплета, скреплявшие семейную историю от первых до последних страниц, объединявшие все оттенки и грани характера и личности.

Пока Энца прижимала Стеллу к себе, баюкая ее, дети молча собрали остатки обеда, вытряхнули салфетки и снова все упаковали. Энца чувствовала на шее теплое дыхание Стеллы.

Мальчики подняли корзину, а девочки помогли Стелле устроиться на спине у Энцы для обратной дороги. Элиана пошла сзади, положив руку на спину малышки, а Альма вела их, отшвыривая с дороги палки и камни. По щекам Энцы ползли слезы, она так молилась, чтобы весна поскорее пришла, но сейчас ее изводил страх, что нынешняя весна принесла с собой худшее из несчастий.

²¹ Красавица (*ит.*).

4

Pot de crème²² Vasotto di Budino

В ночь после того, как у Стеллы обнаружили синяки по всему телу, была необычная луна. Туманная, горчичного цвета, она то и дело пряталась в облака, мигая, точно сигнальный фонарь, и напоминала Энце масляную лампу, какой пользовался Марко в плохую погоду.

Энца надеялась, что луна – знак присутствия ангелов, которые реют над Стеллой и никак не решат, взять ли ее с собой или оставить здесь. Преклонив колени у изголовья, Энца сплела пальцы, закрыла глаза и молилась. Наверняка ангелы услышат ее и позволят сестре остаться в горах. Ей страстно хотелось прогнать ангела смерти прочь, как жирную осеннюю муху.

Марко и Джакомина сидели по обе стороны временной кровати Стеллы в главной комнате, не отрывая глаз от дочери. Мальчишки, не в состоянии усидеть на месте, занимались домашними делами. Баттиста, высокий и тощий, поддерживал огонь, Витторио подтаскивал дрова. Элиана и Альма, прижав колени к груди, затихли в углу, испуганно наблюдая за остальными.

Местный священник, дон Федерико Мартинелли, был совсем стар. Без единого волоса на голове, с вытянутым лицом, выражение которого отнюдь не успокаивало. Всю ночь он стоял на коленях в изножье кровати, перебирая четки, и голос его тихо гудел на одной ноте. Одну за другой перебрав блестящие зеленые бусины, он целовал серебряный крест и заново начинал «Аве Мария».

Когда Стелла стала слабеть, Марко ходил к синьору Ардуини и попросил о помощи, какая только в его силах. Падроне послал за доктором в Аццоне, и тот быстро прискакал верхом на лошади. Доктор осмотрел Стеллу, дал ей лекарство от лихорадки и поговорил с Марко и Джакоминой, пообещав вернуться утром.

Пока он шептался с родителями, Энца попыталась прочесть выражение его лица, но никакого знака в пользу того или иного исхода не было. Создалось впечатление, что случай не особо серьезный, но Энца знала, что спокойствие доктора ничего не значит. Ведь доктора – как священники. Никакой телесный или душевный недуг не может их удивить.

Энца схватила доктора за руку, поймав его уже у дверей. Он обернулся к девочке, но она не могла выговорить ни слова. Доктор доброжелательно кивнул и вышел.

Энца пристально вглядывалась в ночь за окном, в уверенности – если Стелла продержится до рассвета, то будет жить. Доктор вернется, как и обещал, объявит, что чудо состоялось, и жизнь потечет в привычном русле. Разве мальчишки Каскарио, потерявшиеся по дороге в Трескоре, не нашлись через три дня? Разве малыш Ферранте, шестнадцать дней болевший желтухой, в конце концов не выздоровел? И разве не выжила семья Каповилла, когда зимой девятьсот третьего все их четверо детей заболели коклюшем? Так много в этих краях историй о чуде. Наверняка о Стелле Раванелли тоже станут рассказывать в окрестных деревнях, снова и снова уверяя тех, кто живет так близко к небу, что Господь их не оставит. Годы спустя, когда Стелла вырастет и обзаведется собственной семьей, разве не будет она вспоминать о той ночи, когда выжила, несмотря на страшные синяки и лихорадку? Энца не могла представить дом без Стеллы. Младшая сестра всегда была особенной. Стеллу назвали не в честь святой или кого-то из родственников, как остальных детей, но в честь звезд, мерцавших над ними в ночь, когда она родилась.

²² Французский десерт, запеченный заварной крем, то же самое, что крем-карамель.

Всю ночь Энца тщетно боролась с ощущением несправедливости. В конце концов, в этой жизни Раванелли заплатили по всем счетам. Они были бедными, скромными, трудолюбивыми, помогали другим и поступали по заповедям. Они делали все правильно. А теперь очередь Господа воздать им за благочестие. Энца закрыла глаза, представив, как святые и ангелы окружают сестру, исцеляют ее.

Энца видела, как отец и мать становятся дедушкой и бабушкой, а братья и сестры обзаводятся собственными семьями. Баттиста показал бы детям все тропы в горах, Элиана научила бы не падать, стоя на одной ножке на каменной изгороди, Альма обучала бы шитью, Витторио показал бы, как подковывать лошадь, Стелла учила бы их рисовать, мама следила бы за садом, а папа запрягал бы повозку и катал внуков. Жизнь в горах текла бы своим чередом, они старели бы вместе и были бы счастливы всей большой семьей в собственной усадьбе, которой, несомненно, обзавелись бы.

*La famiglia é perpetua*²³.

Энца перепугалась, услышав, как тяжело дышит Стелла. Ведь доктор дал ей лекарство! Почему же сестре становится все хуже?

С лица Стеллы сошли все краски, щеки из розовых сделались серыми, а губы стали бледнее мела. Глаза сестры подернулись мутной пленкой, зрачки обратились в черные бусины четок.

Джакомина прикладывала к губам дочери мокрую ткань, гладила по волосам. Временами тихое гудение «Аве Мария» прерывалось стонами Стеллы – ножами они вонзались в сердце. Не в силах дольше смотреть, как угасает сестра, Энца выскочила из дома.

Она пробежала до самого конца Виа Скалина и замерла там, спрятав лицо в ладонях – оплакивая Стеллу. Разве есть что-то страшнее чувства, что ты не в силах облегчить страдания невинного? Энца не могла забыть страх слабеющей Стеллы и беспомощность на лице матери. Джакомина пережила немало беспокойных ночей у постели детей, охваченных лихорадкой, но этот раз был не похож на другие. Все происходило так быстро!

Энца почувствовала, как на плечи легли чьи-то руки. Она обернулась. Марко обнял ее и зарыдал вместе с нею.

Бог оставил их, ангелы удалились, святые отвернулись. Теперь Энца понимала, что на самом деле происходило в эти ужасные часы. Они вовсе не ждали, когда Стелле станет лучше, а лишь смотрели, как она умирает. Впервые в жизни за почти шестнадцать лет, после всех благополучно пережитых снежных бурь, весенних паводков и несчастных случаев, удача изменила Энце. Сильные руки отца больше не могли ее защитить, а прикосновение матери утратило целебную силу.

Энца и Марко вернулись в дом. Огонь почти потух, утреннее солнце с неохотой выползло из-за Пиццо Камино, заливая комнату светом. Элиана и Альма стояли в изголовье кровати, Витторио и Баттиста – напротив них. Проведя долгие часы на коленях, старый священник наконец встал и в последний раз поцеловал серебряный крест четок.

Джакомина, склонившись над телом дочери, рыдала, спрятав лицо в ее волосах. Она взяла свое дитя на руки, прижала к себе и стала баюкать, как делала каждую ночь. Безжизненные руки Стеллы свисали ладонями наружу, будто навстречу ангелам. Карие глаза были открыты, густые ресницы не скрывали пустого взгляда. Губы стали бледно-голубого оттенка, точно перламутр внутри раковины.

Марко обнял жену, не в силах ее успокоить. На него самого всей тяжестью обрушился его позорный провал. Не только доктор из Лиццолы, священник и Церковь обманули его надежды – он сам оказался недостаточно набожным в глазах Господа, чтобы сбересть дочь.

²³ Семья вечна (*ит.*).

В их присутствии сегодня вершилось таинство, в тот непрошенный миг, когда они полностью отступили перед миром духов, когда жизнь уходила, а в свои права вступала смерть. Священная пауза, мост, качавшийся над самой гиблой бездной, мгновение, длившееся всего секунду или две, в котором Стелла была еще с ними – перед тем, как уйти к Богу. И в это мгновение Энца закричала, громко, чтобы Бог услышал: «Нет!» Но было слишком поздно – малышка покинула их, душа ее вернулась к звездам, в честь которых она была названа пять лет назад.

Энца все спрашивала себя – была ли в этом и ее вина? Ведь именно она затеяла пикник в тот день. Как старшая, она упаковала корзину и повела детей в горы. Она захотела почитать книгу на ярком солнце. Она позволила братьям и сестрам играть в пруду под мощными струями весеннего водопада. Это она подвела Стеллу, а сейчас – и всю семью.

Энца посмотрела по сторонам, ища взглядом того, кто простит ее безответственность, кто простит ей совершенные ошибки, но никто не выступил вперед, чтобы снять с нее груз тяжкой вины.

Она так нуждалась в утешительных объятиях отца и матери, но их руки обнимали Стеллу.

Боль Джакомины была столь глубока, что все тело ее извивалось в корчах, – так же она рожала своих детей. Она баюкала безжизненную дочь, впитывая ее последнее тепло.

Когда отец скорбит, мать вспоминает все – с самого первого мига. Нежные поцелуи, когда два любящих тела соединялись друг с другом в сладкой близости, – поцелуи, приведшие к желанному зачатию. Первое робкое шевеление, слабые толчки в животе. Мать вспоминает, как ребенок рос и рос во чреве, а потом ее тело раскрылось, чтобы выпустить в мир новую жизнь... И вот все кончено – стонами отчаяния, которое останется с ней навсегда.

Стелла была для Джакомины маленьким ангелом. Смешливая, не верившая урокам старших, но менее мудрых, чем она, сестер и братьев, жившая в гармонии с магией мира. Кудрявая маленькая фея, танцевавшая на поверхности жизни, с восторгом встречавшая каждый сюрприз вселенной, вникавшая во все, чего касалась, – от травинки, блестящей на горных лугах и подпевавшей ночному ветру, до водяных струй, которые обнимала при каждой возможности, плескаясь и купаясь в них, наслаждаясь ими. Мимолетная, как грибной дождь, умчавшийся от сладкого дуновения летнего ветра, теперь она ушла навсегда.

Во дворе церкви Сан-Никола на ярком солнце выстроились в ряд для ежегодной уборки раскрашенные статуи. Святой архангел Михаил с мечом, святой Франциск Ассизский с овечкой, Богородица, попирающая ногой зеленую змею, святой Антоний с лилией в одной руке и младенцем Иисусом в другой, святой Петр в фартуке плотника и серая «Пьета» – скорбящая мать, держащая на руках мертвого сына.

Чиро полагал, что именно так верующие представляют себе загробную жизнь. После смерти они отправятся в сад, где в ослепительно белом сиянии их будут ждать безупречные святые с гладкими лицами и густыми волосами, разодетые в пурпур и зеленое с голубым. Их гипсовые руки с длинными пальцами укажут новоприбывшим, куда идти.

Дон Грегорио мог находить его недостаток благочестия странным, но Чиро считал – если кто и странный, так это верующие с их реликвиями, ладаном и елеем, мистическая сила которых вызывала больше вопросов, чем давала ответов.

Чиро смешивал в старой жестянке специальную чистящую пасту собственного изобретения. Путем проб и ошибок он подобрал состав для полировки статуй и украшавшей церковь тонкой резьбы. Для этой цели он брал чашку свежей влажной глины со дна реки Во, несколько капель оливкового масла, пригоршню толченых семян лаванды и месил, пока не получалось что-то вроде замазки. Прополоскав руки в тазу с холодной водой, он обмотал три пальца тряпкой и зачерпнул пасту.

– *Va bene*²⁴, святой Михаил, ты первый. – Осторожно, круговыми движениями, Чиро начал втирать пасту в постамент статуи. Золотая надпись «Святой Михаил» заблестела.

Из всех статуй Сан-Никола наибольшее сродство Чиро чувствовал именно со святым Михаилом. Сильные ноги, широкие плечи и серебряный меч, готовый поразить зло, всегда притягивали его, обожавшего приключения и ценившего смелость. А песочного цвета волосами и бирюзовыми глазами статуя напоминала Чиро себя самого. Полируя золоченый подбородок святого, он решил, что из всего Господнего воинства тот единственный мог бы завоевать Кончетту Матроччи. Остальные святые мужского пола, державшие голубок, гулявшие с овечками или баюкавшие младенца, вряд ли добились бы успеха. Святой Антоний слишком кроток, святой Иосиф слишком стар, а святой Иоанн слишком сердитый. Нет, Михаил был среди них единственным воином, лишь он мог завоевать сердце девушки.

Игнацио Фарино вышел из-за угла, толкая перед собой тачку, нагруженную голубой речной галькой. Хилый, с длинным носом и тонкими губами, Игги носил кожаные тирольские шорты, толстые вязаные гольфы и альпийскую шляпу с пером *merlo*²⁵, торчащим из-за выцветшей ленты. Он походил скорее на дряхлого мальчика, чем на старика.

– *Che bella*²⁶. – Игнацио взглянул на статую святой Марии и присвистнул.

– Твоя любимица, да, Игги? – спросил Чиро.

– Ну она же Царица Небесная, верно? – Игнацио присел на садовую ограду и посмотрел на статую. – Я обычно глазел – именно что глазел – на ее лицо, когда был мальчишкой. И всегда молился Господу, чтобы послал мне красавицу жену, похожую на Деву Марию из церкви Сан-Никола. Самую хорошенькую девчонку в Вильминоре уже прибрали к рукам, поэтому я забрался повыше в горы и женился на первой красавице из Аццоне. Волосы у нее были что твое золото. Диво дивное снаружи, но – он вытащил из кармана самокрутку – внутри столько всего намешано. Не женись на красавице, Чиро. Слишком хлопотно.

– Я знаю, как ухаживать за женщинами, – уверенно заявил Чиро.

– Думаю, знаешь. Но стоит надеть ей кольцо, и все переменится. Женщины меняются, Чиро. Мужчины остаются собой, а женщины меняются.

– В чем же?

– А во всем. Замашки. Нутро. То, чего она от тебя хочет. – Он подался вперед, словно придерживая тачку, чтобы не укатилась. – Сначала – ох, *vai, vai, vai*²⁷, они хотят тебя. Потом хотят сад, дом, детей. А потом устают от собственных хотений и ждут, что ты их осчастливишь. – Он вскинул руки. – Им всегда мало, Чиро. Всегда. Поверь, ты в конце концов выдохнешься, попытаешь сделать женщину счастливой.

– Ерунда. Для меня дело чести – попытаться.

– Это сейчас ты так говоришь, – возразил Игнацио. – Не повторяй моих ошибок. Полюби простую девчонку. Простые девчонки никогда не портятся. Они довольны своей долей, пусть даже самой скромной. Им достаточно малой жемчужины. Они не будут сохнуть по бриллиантам. У красавиц большие запросы. Ты приносишь им маргаритки, а они хотят роз. Ты покупаешь им шляпку, а они хотят к ней пальто. Это бездонный колодец, который тебе никогда не наполнить. Я-то знаю. Пытался.

– Простушка или красавица, мне не важно. Я только хочу, чтобы у меня была девушка, которую бы я любил. И чтобы она меня любила. – Чиро ополоснул плащ святого Михаила чистой водой.

– Хочет он. Хочет. Обожди, куда тебе торопиться. – Игги выпустил клуб дыма.

²⁴ Ну ладно, хорошо (*ит.*).

²⁵ Дрозд (*ит.*).

²⁶ Какая красивая (*ит.*).

²⁷ Здесь: скорей, скорей, скорей (*ит.*).

Чиро принялся полировать гипс сухим полотенцем.

– Ждать так тяжело.

– Потому что ты молод. У молодых есть все, кроме мудрости.

– И что тебе дала мудрость? – спросил Чиро.

– Терпение.

– Я не хочу мудрости. Не хочу стареть, чтобы ее заполучить. Я просто хочу быть счастливым.

– Хотел бы я отдать тебе свой опыт, чтобы тебе не пришлось испытать в жизни все, через что я прошел. Я был как ты. Не верил старикам. Лучше бы мне было к ним прислушаться.

– Расскажи мне, чего я не знаю, Игги.

– Любовь, она как *pot de crème*. – Игги помешал в воображаемом горшочке ложкой. – Сквозь окно *pasticceria*²⁸ ты видишь, как синьора Мария Нило готовит десерт. – Игги покачал бедрами, изображая синьору. – Ты видишь, как она размешивает шоколад. Видишь, как карамель льется с ложки в форму. Это выглядит расчудесно. Ты так хочешь его, что почти чувствуешь вкус. Каждый день ты проходишь мимо лавки и думаешь: я хочу этот *pot de crème* больше всего на свете. Готов за него драться. Готов убить за него. Умереть готов. И в один прекрасный день, когда у тебя появились деньги, ты приходишь за своим *pot de crème*. Быстро съедаешь его, возвращаешься за новым горшочком, а потом еще за одним. Съедаешь все до последней ложки. И вот тебя уже тошнит от того, что недавно было самым желанным на свете. И с любовью точно так же.

Чиро рассмеялся:

– Тяжело тебе будет убедить в этом голодного. Любовь – единственная мечта, за которой стоит гнаться. Ради любви я готов трудиться изо всех сил. Построить будущее своими руками. Я бы возвел для нее дом с семью очагами. У нас была бы большая семья – пять сыновей и дочь. Должна быть хоть одна дочка, чтобы заботиться о матери в старости.

– Я научил тебя тому, что понял сам, Чиро, – ответил Игнацио. – Я принял то, что дала мне жизнь. – Игнацио развел ладони, будто показывая, насколько много. – И не просил о большем. А будешь требовать большего – накличешь беду.

– Вот досада! – сказал Чиро. – Я вот только большего и хочу. Я работаю за стол и кров, но хотел бы поработать за деньги.

– И сколько тебе нужно?

– Хоть лира для начала – уже хорошо.

– Правда? Одна лира? – улыбнулся Игнацио. – У меня есть для тебя работа.

Чиро занялся «Пьетой».

– Я слушаю.

– Нужно помочь отцу Мартинелли вырыть могилу в Скильпарิโอ. – Игги закурил сигарету.

– И сколько платят?

– Он даст тебе две лиры, одну вернешь ему. Церковь всегда забирает свою долю.

– Конечно, забирает, – кивнул Чиро. – Но всего одна лира за то, чтобы вырыть могилу?

Чиро поневоле задумался: что же Игнацио не мог сторговаться получше? Теперь он понимал, почему Игнацио не продвинулся дальше разнорабочего при монастыре.

– Ну, лучше чем ничего. – Игги сделал затяжку и предложил Чиро свою сигарету. Чиро взял ее и вдохнул сладкий запах табака. – Дон Грегорио заставил бы тебя работать бесплатно. Что ты собираешься делать со своей лирой? – Игнацио посмотрел на ботинки Чиро: – Тебе нужна обувка.

– Хочу купить брошь с камеей Кончетте Матроччи.

²⁸ Кондитерская (ит.).

- Не трать зря деньги. Тебе нужны новые башмаки!
- Я могу ходить босиком, но не могу жить без любви, – рассмеялся Чиро. – Как я попаду в Скильпарิโอ?
- Дон Грегорио говорит, что ты можешь взять его двуколку.
- У Чиро загорелись глаза – возможно, удастся прокатить Кончетту.
- Ладно. Но повозка мне нужна на целый день.
- *Va bene.*
- Ты уладишь это с доном Грегорио? – спросил Чиро.
- Беру на себя! – Игнацио бросил окурочек на дорожку, растер его подошвой и пинком отшвырнул в сторону. Оранжевая искорка мигнула в последний раз и погасла.

Чиро распахнул главные двери церкви Сан-Никола и закрепил их, чтобы свежий весенний воздух гулял внутри, подобно аккордам великопостных песнопений. Каждая поверхность блестела. Монахини будут думать, что церковь отдраена их заботами во славу Господа, но на самом деле Чиро надеялся произвести впечатление на дону Грегорио, чтобы тот разрешил ему впредь пользоваться лошадью и повозкой настоятеля.

Он натер скамьи красного дерева лимонным воском, вымыл витражные окна горячей водой с белым уксусом, вычистил мраморные полы и отполировал медные сосуды. Соскоблил капли воска с кованых подсвечников, куда ставили свечи по обету, и положил новые свечи в специальные мешочки. Запах пчелиного воска наполнил воздух в нишах около статуй святых, словно аромат розовой воды, которой Кончетта Матроччи сбрызгивала белье для глажки. Чиро знал это наверняка: когда она шла мимо, ее окружало душистое облако.

Статуи были теперь как новенькие. Чиро вернул блеск кремовым лицам и цвет – одеждам и сандалиям. Он водрузил святого Иосифа на его место в нише, вкатил тележку для свечей и отступил, чтобы полюбоваться результатами трудов своих. Заслышав шаги по мраморному полу, Чиро обернулся. Выглянув из ниши, он увидел, как Кончетта Матроччи преклонила колени в проходе примерно посередине между входом и алтарем. Сердце Чиро пустилось вскачь. Голову Кончетты прикрывала белая кружевная мантилья. Одетая она была в длинную серую юбку из саржи и белую блузку – оперение невинной голубки.

Чиро взглянул на собственную робу. Мокрые снизу брюки с разводами сажи, прохуdivшиеся башмаки, грязная блуза... На нем красовалась вся палитра рабочего – мазки глины и полироли для меди, черные полосы от обугленных фитилей. Из нагрудного кармана вместо носового платка торчала грязная тряпка.

Он пригладил густые волосы, осмотрел пальцы – под ногтями черные полумесяцы грязи. Кончетта обернулась, взглянула на него и вновь повернулась к алтарю. Он редко оставался с ней в церкви один на один. Исхитриться поговорить с Кончеттой было почти невозможно. У нее были строгий отец, набожный дядя, несколько братьев и стайка друзей, которые окружали ее, как пояс передника.

Чиро вытащил тряпку из кармана и сунул ее за статую святого Михаила. Отстегнул от пояса медное кольцо с ключами и положил поверх тряпки. Прошел по центральному проходу, преклонил колени, а потом опустился на скамеечку рядом с коленапреклоненной Кончеттой и сложил руки в молитве.

- *Ciao*, – прошептал он.
- *Ciao*, – прошептала она в ответ.

Розовые губы дрогнули в улыбке. Кружево мантильи мягко обрамляло лицо Кончетты – будто картину. Чиро посмотрел на свои перепачканные руки и сжал кулаки, чтобы спрятать ногти.

- Я только что чистил церковь, – сказал он.
- Вижу. Дарохранительница как зеркало, – с одобрением сказала Кончетта.

– Это нарочно. Дон Грегорио охотно любит свое отражение.

Кончетта нахмурилась.

– Я пошутил. Дон Грегорио святой человек. – Хорошо, что он все-таки прислушивается к словам брата. – И облечен саном.

Она кивнула в знак согласия, вытянула из кармана нитку белых опаловых четок.

– Я пришла к новенне²⁹, – сказала она, подняв глаза к окну-розе над алтарем.

– Новенна будет во вторник, – заметил Чиро.

– А, – откликнулась она. – Тогда я просто прочитаю «Розарий» одна.

– Не хочешь посмотреть сад? – спросил Чиро. – Мы прогулялись бы. Ты можешь помолиться в саду.

– Предпочитаю молиться в церкви.

– Но Бог повсюду. Ты же слышала об этом на мессе?

– Конечно, – улыбнулась она.

– Нет, не слышала. Ты шепталась с Лилианой.

– Ты не должен глазеть на нас.

– Зато я не глазею на дону Грегорио.

– А стоило бы.

Поднявшись с подставки для колен, Кончетта села на скамью. Чиро сделал то же самое. Он посмотрел на изящные руки Кончетты. На запястье покачивался тонкий и гладкий золотой браслет.

– Я не приглашала тебя садиться рядом, – прошептала она.

– Ты права. Как невоспитанно с моей стороны. Могу ли я сесть рядом с тобой, Кончетта Матроччи?

– Можешь, – ответила она.

Они посидели в молчании. Чиро вдруг понял, что почти не дышал с тех пор, как Кончетта вошла в церковь. Он медленно выдохнул, затем вобрал в себя дивный запах ее кожи: сладкая ваниль и белые розы. Наконец он за что-то благодарил Бога – за то, что Кончетта была так близко.

– Тебе нравится жить в монастыре? – спросила она робко.

У Чиро упало сердце. Жалость – последнее, чего он хотел от этой девушки.

– Это хорошая жизнь. Мы трудимся изо всех сил. У нас прекрасная комната. Дон Грегорио одалживает мне повозку, стоит мне только попросить.

– Правда?

– Конечно!

– Везет тебе!

– Я бы с удовольствием как-нибудь съездил в Клузоне.

– У меня там тетя.

– Да что ты! Я мог бы свозить тебя к ней.

– Посмотрим, – улыбнулась она.

«Посмотрим» Кончетты было лучше прямого «да» сотен местных девчонок. Чиро ликовал, но старался не подавать виду. Игнацио советовал сдерживаться и не показывать девушке, насколько она важна для тебя. Девушки, если верить Игги, предпочитают парней, которые их не любят. На взгляд Чиро, то была сушная бессмыслица, но он решил последовать совету Игги – возможно, так он и завоюет сердце Кончетты. Чиро повернулся к ней:

– Я бы предпочел остаться, но обещал сестре Доменике, что до обеда выполню ее поручение.

– *Va bene*. – Кончетта снова улыбнулась.

²⁹ Традиционная молитвенная практика, заключающаяся в чтении определенных молитв в течение девяти дней подряд.

– Ты очень красивая, – прошептал Чиро.

Кончетта усмехнулась:

– А ты очень грязный.

– Буду куда чище, когда мы встретимся в следующий раз. А мы точно встретимся, обещаю.

Чиро встал и вышел в проход, не забыв преклонить колени. Он в последний раз взглянул на Кончетту, склонив в знак прощания голову, – в точности как монахини учили вести себя с дамой. Кончетта кивнула и повернулась к золотой дарохранительнице – той самой, на полировку которой Чиро потратил большую часть дня. Чиро прямо-таки вылетел из церкви. Вечернее солнце уже стояло низко – пурпурный пион на бледно-голубом небе. Чиро бежал через площадь к монастырю, и мир вокруг него сиял ярчайшими красками. Он распахнул тяжелую дверь, схватил пакет, который сестра Доменика приготовила для синьора Лонгаретти, и помчался вверх по склону холма.

Попадавшие навстречу люди здоровались с Чиро, но он ничего не слышал. Он мог думать лишь о Кончетте и долгой поездке с нею в Клузоне. Чиро представлял, какую еду взял бы в дорогу, как держал бы девушку за руку, как рассказывал бы ей о том, что у него на сердце. Его ногти были бы гладкими, круглыми и розовыми, а их ободки – белыми как снег, потому что он выскреб бы руки со щелоком. Кончетта не сводила бы глаз с Чиро, и они мчались бы вперед.

И возможно, он даже ее поцелует.

Чиро бросил пакет у двери синьора Лонгаретти. Когда он вернулся в монастырь, Эдуардо занимался в их комнате. Он посмотрел на Чиро:

– Ты бегал по деревне в таком виде?

– Оставь меня в покое. Я вычистил сегодня Сан-Никола. – Чиро рухнул на кровать.

– Видать, потрудились на славу. Вся грязь перекечевала на твою одежду.

– Ладно-ладно. Я все как следует выстираю.

– Про щелок не забудь, – посоветовал брат.

– Что на ужин?

– Жареные цыплята, – ответил Эдуардо. – Я шепну сестре Терезе о твоём усердии, и она наверняка оставит тебе добавки. Мне нужны ключи от часовни. Я закончил карточки к мессе.

Чиро протянул руку к поясу, чтобы отдать брату кольцо с ключами.

– Черт, – сказал он. – В церкви оставил.

– Так сходи за ними. Сестра попросила разложить карточки по скамьям еще до ужина.

Чиро побежал через площадь назад в церковь. После захода солнца похолодало, Чиро дрожал, жалея, что не накинул пальто. Главная дверь церкви была уже заперта, поэтому он направился к боковому входу, ведущему в ризницу, распахнул дверь...

И не поверил своим глазам.

Кончетта Матроччи была в объятиях дон Грегорио. И священник жадно ее целовал. Ее серая юбка приподнялась, обнажая гладкие золотистые икры. Она стояла на цыпочках, изящно вытянувшись. В руках священника Кончетта казалась голубкой, запутавшейся в черных зимних ветвях. Чиро перестал дышать, потом глотнул воздуха и поперхнулся.

– Чиро! – Дон Грегорио отпустил Кончетту, та скользнула прочь, как по льду.

– Я... Я оставил ключи в вестибюле. А наружная дверь была заперта.

Чиро почувствовал, что его лицо пылает.

– Ну так пойдешь и возьми их, – спокойно сказал дон Грегорио, разглаживая планку с пуговицами на своей сутане.

Чиро прошмыгнул мимо них с Кончеттой в церковь. Неловкость быстро сменилась гневом, а гнев – яростью.

Чиро кинулся по главному проходу, даже не подумав поклониться или преклонить колени. Добежав до вестибюля, он выхватил кольцо с ключами и тряпку из-за статуи и сунул в

карман, стремясь как можно скорее вырваться из этого места. Величественная красота храма и каждая деталь, которой он так щедро уделил внимание сегодня днем, теперь ничего для него не значили. Просто гипс, краска, дерево и медь.

Чиро уже отодвинул щеколду, чтобы выйти, когда почувствовал, что дон Грегорио стоит позади него.

– Ты никогда никому не скажешь о том, что видел, – прошипел священник.

Чиро развернулся к нему:

– В самом деле, отец? Вы собираетесь издать указ? Какой властью? Вы мне отвратительны. Если бы не сестры, я бы ушел из вашей церкви.

– Не смей угрожать мне. И никогда больше не возвращайся в церковь. Ты освобожден от своих обязанностей.

Чиро шагнул вперед, вплотную приблизившись к дону Грегорио.

– Это мы еще посмотрим.

Дон Грегорио схватил Чиро за воротник. В ответ тот вцепился грязными пальцами в мягкую черную ткань сутаны дона Грегорио.

– И вы еще называете себя священником!

Дон Грегорио отпустил воротник рубашки Чиро и уронил руки. Чиро посмотрел ему в глаза и сплюнул на пол. Только подумать – весь его сегодняшний тяжелый труд был во славу этого недостойного пастыря невежественнейшего из стад! Чиро отпер входную дверь и вышел в вечерний сумрак. Он слышал, как за его спиной дон Грегорио задвинул засов.

Дон Грегорио посмотрел на свою сутану. Там, где Чиро сжимал ее, застежка была помята, от ткани пахло глиной. Он окунул пальцы в чашу со святой водой, стер грязь и пригладил волосы, прежде чем направиться по проходу назад к ризнице, к своей Кончетте.

Кончетта стояла прислонившись к столу и сложив руки на груди. Она скрутила золотые волосы в узел на затылке и наглухо застегнула кофту.

– Теперь ты видишь, почему тебе нельзя разговаривать с мальчиками? – строго спросил священник, расхаживая взад-вперед по комнате.

– Да, дон Грегорио.

– Он счел ваш разговор проявлением твоего интереса к нему, – сердито сказал священник. – Ты выразила ему одобрение, и теперь он чувствует себя преданным.

Кончетта Матроччи засунула руки в карманы, опустила глаза и глубоко вздохнула.

– В чем тут моя вина?

– Ты соблазнила его.

– Я ничего такого не делала.

– Он сидел рядом с тобой.

– Он работает в церкви!

– Монахини избаловали его! Заносчивый безбожник! Он почти не причащается и даже не посещает мессу! Он бесцеремонен с прихожанами!

Она улыбнулась:

– Вы ревнуете к Чиро Ладзари? Поверить не могу!

Дон Грегорио обнял девушку, притянул к себе. Поцеловал в шею, потом в щеку, коснулся губ, но она отпрянула:

– Он видел, как вы целовали меня. – Кончетта оправила юбку. – Что, если он расскажет?

– Я позабочусь об этом. – Дон Грегорио погладил руку Кончетты.

– Я лучше пойду, – сказала она, но голос говорил, что она предпочла бы остаться. – Меня ждет мама.

– Я увижу тебя завтра?

Кончетта взглянула на дона Грегорио. Как он красив и элегантен – местным мальчишкам всегда будет до него далеко. И поцелуй его не был таким неуклюжим, как у Флавио Тирони

за четвертым столбом колоннады прошлым летом на празднике, руки не были потными, а разговор – банальным. Дон Грегорио повидал свет, охотно делился своими мыслями и политическими суждениями и рассказывал увлекательные истории о местах, где она еще никогда не бывала, но которые хотела бы посетить. Он окончил семинарию, а значит, был образованным человеком. Он так же хорошо знал улицы Рима, как она – проселки Вильминоре.

Дон Грегорио разглядел в ней нечто, чего не смог увидеть еще ни один учитель или наставник. Он не заставлял ее заниматься математикой, скучать над науками. Вместо этого он разбудил в Кончетте жажду увидеть скрывавшийся за горами мир, те места, которые, он знал, ее восхитят, – розовые пляжи Римини, магазины Понте-Веккьо во Флоренции, пурпурные утесы Капри. Он давал ей книги – не только учебники, забитые сухими теориями, но и романы в красных кожаных переплетах о захватывающих приключениях и трогательной любви.

Каждое воскресенье после полудня дон Грегорио обедал с семьей Матроччи. Идеальный гость, он приходил после мессы и оставался до заката. Особое внимание уделял он бабушке Кончетты, терпеливо выслушивая ее жалобы на здоровье, каждую подробность донимавших ее болей. Он благословлял их поля и дом, совершал таинства, поощрял их набожность, вдохновлял на дела милосердия и поддержку церкви.

Кончетта полюбила дону Грегорио еще издали, мгновенно, с первого дня, как он прибыл в Вильминоре. В течение нескольких последующих месяцев те минуты, которые она проводила наедине с доном Грегорио, опьяняли ее. Сидя в школе, она часами выдумывала предлоги, чтобы отправиться в церковь – в надежде его увидеть.

Мальчики их прихода тупые грязнули – все как один. Работают в шахтах или на полях, и виды на жизнь у них самые простые. Вроде Чиро Ладзари, церковного разнорабочего, ходившего в обносках и иногда садившегося рядом с Кончеттой на церковную скамью, будто он купил билет на масленичной ярмарке, получив заодно и право разговаривать с ней.

Всю свою жизнь Кончетта училась выбирать самое лучшее, будь это отрез льна на передник или чистейшая лимонная вода для мытья волос. Она знала, что дон Грегорио – святой человек, связанный обетом, но он был и самым влиятельным и утонченным мужчиной в окрестностях. И она хотела его заполучить. Она была одурманена священником, окрылена его вниманием и с восторгом ожидала мгновений их тайной близости. Всем сердцем она верила, что еженедельный обед и долгие вечера в его обществе сделают ее счастливой.

– Убедитесь, что Чиро никому не расскажет о нас, – взмолилась Кончетта. – Если мой отец узнает... Если хоть кто-нибудь...

Дон Грегорио обнял Кончетту и поцеловал, чтобы успокоить. Как только она оказалась в его руках, страхи ее отступили. Воспитание, строгая мораль и здравый смысл были бессильны перед его поцелуями. Правила, которые она обещала матери блюсти до замужества, таяли в воздухе, как дым кадила. Она сказала себе, что бояться нечего. Никто не поверит наветам прислужника на священника.

Дон Грегорио поцеловал ее в шею. Она позволила ему это, но потом осторожно высвободилась из объятий. Кончетта не стала медлить – набросив на голову кружевную мантилью, она выскользнула из ризницы в ночь.

5

Бездомный пес Un Cane Randagio

Три тощих жареных цыпленка покоились в центре блюда в окружении картофельной соломки и кубиков моркови. Несколько больших керамических чаш были наполнены пюре из каштанов с добавлением масла, соли и сливок. Сестра Тереза научилась увеличивать порции за счет каштанов – их жарили до хрустящей корочки, чтобы смолоть в муку, протирали, чтобы начинить тортеллини, или варили, толкли и подавали как сытное блюдо. К весне монахини и братья Ладзари видеть их не могли.

Чиро ворвался в кухню:

– Сестра!

Сестра Тереза выглянула из кладовки:

– В чем дело?

– Мы должны пойти к сестре Эрколине, – выпалил он. – Сейчас же.

– Что случилось? – Сестра Тереза вручила Чиро нагретое полотенце.

– Я кое-что видел в церкви. – Чиро промокнул лицо, затем вытер руки. – Дон Грегорио.

Он был с Кончеттой Матроччи. – Чиро почувствовал, как щеки вспыхнули от неловкости. – В ризнице. Я только что застиг их.

– Понимаю. – Сестра Тереза взяла у Чиро полотенце и бросила в стоявший на плите котел с кипятком. Затем налила Чиро стакан воды и кивком пригласила его сесть. – Объяснять не нужно.

– Вы знаете?!

– Я не удивлена, – сказала она бесстрастно.

Разочарованный, Чиро повысил голос:

– Вы что, хотите сказать, что обет не имеет значения?

– Некоторые из нас прилагают огромные усилия, чтобы сдержать обет, для других это легче, – осторожно сказала она. – Люди способны творить чудеса. Но иногда они грешат.

– Ему нет оправдания. Сделайте что-нибудь!

– Я не властна над священником.

– Тогда пойдите к сестре Эрколине и сообщите ей, что я видел. Возьмите меня с собой. Я расскажу ей подробности. Она сможет пойти к матери аббатисе. А та сурово накажет его!

– Ах, вот что. Ты хочешь наказать его. – Сестра Тереза села. – Тобой движет любовь к Кончетте Матроччи или неприязнь к дону Грегорио?

– С Кончеттой покончено – после того, что я видел, как можно... – Чиро обхватил голову руками.

Нет ничего хуже, чем навсегда потерять возможность выразить свои нежные чувства. Сегодня он был ближе к своей цели, чем когда-либо! Месяцами он представлял, как Кончетта постепенно узнаёт его, отвечает на его чувства и в конце концов влюбляется в него. Он предвкушал столько поцелуев, во всех возможных уголках Вильминоре и окрестностей! Знать теперь, что она выбрала другого, – для юного сердца это было чересчур. И кого – священника, ни больше ни меньше!

– Бедная девочка! Она верит во все, что он ей говорит.

– Я знал, что он мошенник. В нашем храме не происходит никаких таинств. Это представление. Как карнавальное шествие. Он слишком заботится об облачении, покровах и о том, какие цветы будут расти вдоль дорожки в саду. Следит совсем не за тем, за чем нужно. Для него Сан-Никола – просто витрина. Он похож не на священника, а на тех прохвостов с юга,

которые приезжают на северные озера, чтобы продать за лето побольше дешевых побрякушек. Они заговаривают зубы женщинам и получают огромные деньги за стекляшки. Так и девчонки из школы собираются вокруг дона Григорио, подлизываются к нему, никакой разницы.

– Ты прав, он красив и пользуется этим, – сказала сестра. – Кончетта попала на его удочку. Но никогда не следует презирать доверившегося не тому человеку. Такое может случиться с любым из нас.

– Я думал, что она умная.

– И с чего ты так решил?

Сестра Тереза обучала Кончетту с тех пор, как той исполнилось шесть. Она совершенно точно знала, как мало внимания Кончетта уделяла занятиям и сколько усилий она тратила на поддержание красоты и элегантности. На погоню за внешним блеском у нее уходило гораздо больше энергии, чем на развитие ума, характера и здравомыслия.

– Я думал, что она... идеальна во всем.

– Прости. Даже те, кого мы любим, могут разочаровать.

– Теперь я это знаю, – сказал Чиро.

– Священники тоже несовершенны... Чиро, дон Григорио знает свои слабые места, причем гораздо лучше, чем ты.

– Да он считает, что их у него нет! Шествует по церкви, будто король.

Сестра Тереза тяжело вздохнула.

– Дон Рафаэль Григорио не получал отличий за успехи в науках, не был отмечен за духовные подвиги в семинарии. По слухам, он продвигался по службе за счет хороших манер и приятной внешности. И когда он принес последние обеты, его не назначили в кафедральный собор в Милане. Его не позвали писать в ватиканскую газету. Его не сделали помощником епископа или секретарем кардинала. Его послали в беднейшую деревушку у вершины одной из самых высоких гор на самом севере Итальянских Альп. Он всего-навсего красивый дурачок и сам это знает. Он умен ровно настолько, чтобы понимать, что может быть важной шишкой только там, где у него нет соперника. Он служит мессе так, как я читаю вслух рецепт, когда готовлю.

– Но он облечен саном! Он должен быть лучше других!

– Чиро, костюм – это еще не все.

– Так почему сестра тратит столько сил, утюжа его одеяния? Почему я должен носить на валике алтарные покровы? Мы трудимся, чтобы он хорошо выглядел.

– Одна сутана еще не делает никого священником, как и роскошное платье не делает женщину подлинной красавицей – или доброй, или щедрой, или умной. Не путай то, как человек выглядит, с тем, чем он является. Дар Божий – вещь редкая. Я ношу одеяние монахини не потому, что я благочестива, но потому, что пытаюсь быть таковой. Я оставила отца и мать, когда мне было двенадцать, чтобы стать монахиней. Я страстно желала посмотреть мир и теперь расплачиваюсь за свой эгоизм. Кто же знал, что я увижу мир сквозь трубу старой раковины и поверх разделочной доски? Но теперь я здесь, и я та, кем стала. Устремившись за приключениями, я просто сменила одну кухню на другую.

Сестра Тереза готовила три трапезы в день для монахинь да еще еду для дона Григорио. В три утра она уже была на ногах, чтобы испечь хлеб, – Чиро знал это, потому что вставал подоить коров. Казалось, что сестра Тереза выполняет все обязанности жены и матери – но без сопутствующих любви и уважения.

– Почему же ты осталась? – спросил Чиро.

Сестра Тереза улыбнулась, накрыла руки Чиро своими:

– Я надеюсь, что Господь найдет меня.

Сестра Тереза поднялась и перекинула через плечо посудное полотенце. Она вручила Чиро блюдо, чтобы тот отнес его в трапезную, и составила чаши с каштановым пюре на большой поднос.

– Все не так плохо. Ну что, ужинаем?

– Да, сестра.

– Цыплят всегда не хватает, но мы постараемся. Нас наполнит любовь Господня, как говорит сестра Эрколина. Ты должен найти то, что наполнит тебя, Чиро. Что тебя наполняет? Ты знаешь?

Чиро Ладзари подумал, что знает, что наполняет его, но с монахиней он стал бы говорить об этом в последнюю очередь. Если Чиро хоть что-то понимал в себе, им двигало желание добиться девушки и завоевать ее сердце.

– Я думал, что это Кончетта, – сказал он.

– Прости. Иногда кто-нибудь разбивает нам сердце – лишь затем, чтобы когда-нибудь нужный человек склеил его.

Чиро не был готов отказаться от Кончетты Матроччи. Он не смог бы объяснить, почему он любит ее, просто знал, что любит – и все. Чиро представлял Кончетту всю как она есть, домысливал ее жизнь, добавляя воображаемые черточки к тому немногому, что он видел своими глазами, когда мимоходом встречал ее на площади, в школе или церкви. Он гадал, как она проводит время вне Сан-Никола. Представлял ее спальню – с круглым окном, белым вращающимся стулом, мягкой пуховой постелью и с обоями в мелких розочках. Он размышлял, чего ей больше хочется, – может, изящную золотую цепочку, тонкое кольцо с изумрудом или меховой палантин, чтобы носить поверх зимнего пальто? Кем она станет? Собирается ли она работать в одной из лавок галереи? Возможно, она хочет дом на Виа Донцетти или ферму на горе над деревней, в Альта-Вильминоре?

Чиро взмолился:

– Давайте избавимся от донна Грегорио. Вместе! Он безбожник. Вы знаете, как все в Церкви устроено. Помогите мне довести дело до конца. Ради вас.

– Дай мне подумать, – сказала сестра Тереза.

Увидев Кончетту в объятиях другого, Чиро ощутил не ревность, а печаль. Он так долго надеялся на поцелуй, а теперь ему уже не придется целоваться с той, о ком мечтал с первой минуты, как ее увидел. Деревенский священник беззастенчиво украл у него шанс на счастье, и Чиро хотел, чтобы дон Грегорио за это заплатил.

Чиро отправился на север, в Скильпарิโอ, пешком. Прогулка в пять миль занимала у него около часа, так что времени было достаточно, чтобы вовремя успеть в церковь, поговорить после отпевания с доном Мартинелли и получить от него указания, где рыть могилу.

Сестра Тереза собрала в дорогу свежие булочки, ломтики салями, приличный кусок пармезана и флягу с водой. Чиро расстроился, что вынужден идти в Скильпарิโอ пешком, но после ссоры с доном Грегорио было ясно, что отныне церковная коляска для него под запретом. Интересно, кто же теперь будет трудиться в конюшне настоятеля. Чиро сочувствовал старому Игги и надеялся, что тяжести будет поднимать его новый помощник. Слух, что Чиро больше не работает в церкви, разнесся быстро – в деревне жадно ловили любую новость.

Пассо Персолана извивалась, как намотанный на гору медный провод, змеилась под каменными мостиками, расширяясь там, где скалы расступались, образуя ущелья. Чиро шел по вгрызавшемуся в гору длинному туннелю. Неровные стены были когда-то вырублены взрывами динамита, но сейчас их покрывал зеленый мох. Чиро не отрывал глаз от видневшегося вдали выхода – темную трубу запечатывал овал яркого света.

Внезапно до него донесся стук копыт. У входа в туннель возник силуэт – лошадиная упряжка, тащившая крытую повозку. Лошади шли галопом. Чиро замер посреди дороги, но тут же услышал, как кучер крикнул ему: «*Sbrigati!*»³⁰ Метнувшись к влажной стене, Чиро распла-

³⁰ Поторапливайся! (*ит.*)

стался по ней, раскинув руки. Лошади промчались мимо, колеса повозки, в последний момент круто вильнувшей в сторону, оказались всего в паре дюймов от его ног.

Грохот копыт стих. Чиро стоял, упершись руками в колени, и пытался отдышаться. Сердце его колотилось. Он дрожал, понимая, что мимо только что пронеслась верная смерть.

Немного успокоившись, Чиро выбрался из туннеля и начал карабкаться в гору. Альпы были в весеннем цвету. С одной стороны пестрели белыми маргаритками утесы, с другой скалистые стены грозного ущелья ковром устилала виноградная лоза. Чиро жалел, что отверг предложение Эдуардо пойти с ним, потому что путешествие оказалось длиннее и опаснее, чем он представлял, – но ведь брат был занят подготовкой к литургии Пасхальной недели.

Посвистывая, Чиро преодолевал крутой изгиб дороги. Минуя глубокую промоину, где дорога осыпалась, он услышал, как внизу, в кустах, что-то шуршит. Он заглянул в яму – расседина была заполнена толстым слоем листвы – и отступил назад. В горах водились волки, и Чиро подумал, что если они хоть вполовину так голодны, как местные бедняки, то он рискует не добраться до Скильпаро. Припустив в гору, чуть погодя он опять услышал шорох, на этот раз ближе – как будто его преследовали. Он сорвался на бег и вскоре понял, что за ним с лаем гонится собачонка, поджарая черно-белая дворняга с длинной мордой и умными карими глазами.

Чиро остановился, перевел дух и спросил:

– Кто ты?

Собачонка гавкнула.

– Иди домой, малыш.

Чиро оглядел дорогу. До окрестностей Вильминоре слишком далеко, чтобы предположить, что собака из тех краев, и, кроме того, она была очень тощей, так что вряд ли в последнее время о ней кто-то заботился.

Чиро опустился на колени:

– Песик, я должен вырыть могилу.

Псина смотрела на него снизу вверх.

– Где ты живешь?

Собака только тяжело дышала, вывалив розовый язык.

– А, я понял. Ты сирота вроде меня.

Чиро почесал пса за ушами. Шерсть была чистой, но свалявшейся. Чиро открыл флажку, вылил немного воды в ладонь, предложил псу. Тот почти все вылакал, а потом помотал головой, забрызгав Чиро.

– Эй! – Чиро встал, утер лицо рукавом. – *Non spruzzo!*³¹

Он повернулся и пошел вверх по дороге. Пес потрусил следом.

– Иди домой, малыш.

Но пес не отставал.

Остаток подъема прошел незаметно: Чиро нашел толстую палку и бросал, а пес с готовностью приносил ее обратно. Туда-сюда, туда-сюда – пес превратил дорогу в игру. Чиро, все выше и выше забирающийся в Альпы, оценил нового товарища как раз к тому времени, когда путь подошел к концу. Впереди виднелся въезд в Скильпаро.

Церковь Святого Антония Падуанского, куда Чиро направлялся, была возведена из больших блоков местного песчаника и стояла на въезде в деревню. С церковного двора Чиро увидел гигантскую водяную мельницу, ее колесо бешено крутилось под напором бегущего с гор потока, переливавшегося через лопасти и наполнявшего прозрачный пруд. Привольно раскинувшийся за мельницей луг добавлял простора деревушке, примостившейся у самого подножия Пиццо Камино.

³¹ Не брызгайся! (*ит.*)

Чиро вглядывался сверху в пустые улицы. Деревня была пугающе тихой. Он посмотрел на окна и не увидел в них ни одного лица. Двери лавок были закрыты, ставни заперты. Казалось, поселок заброшен. Чиро начал сомневаться, правильно ли он понял Игги.

Бездомный пес дошел с Чиро до входа в церковь. Чиро посмотрел на него:

– Слушай, у меня здесь работа. Иди найди какую-нибудь семью, которая тебя приютит.

Пес взглянул на Чиро, будто спрашивая: «Какую еще семью?»

Чиро открыл дверь в церковь. Оглянулся на пса, который уселся ждать. Покачал головой и улыбнулся. А затем вошел в церковь, сняв шапку. Церковь была полна людей. Чиро начал пробираться сквозь толпу. Все скамьи были забиты. Скорбящие стояли в проходах, в приделах тоже толпились люди. Была заполнена даже лестница, ведущая на хоры. Чиро понял, что здесь собралась вся деревня. Видимо, его наняли, чтобы похоронить кого-то очень важного, землевладельца, *sindaco*³², а может, епископа.

Рост позволял Чиро заглянуть поверх голов собравшихся. Он приподнялся на цыпочки и посмотрел вдоль главного прохода, на ступени алтаря. Там стоял маленький открытый гроб. С ужасом Чиро понял, что придется хоронить не старика, а ребенка. У гроба преклонила колени семья – отец, мать и дети. Одеты они были опрятно, но скромно, и эта скромность никак не вязалась с пышностью похорон и переполненной церковью. Чиро подивился такому уважению к обычным бедняками – явно его ровне.

Джакомина стояла на коленях, положив на гроб руки, будто успокаивая спящего в колыбели. У нее никогда уже не будет обещанного мужу седьмого ребенка. Как странно, что она думает о нерожденном младенце, когда рожденное ею дитя лежит в гробу. Младенец, его запах, звуки, которые он издает, – все это словно заново открывает мир. У старших детей свое очарование, с ними всегда приятно, но младенец заново связывает семью воедино.

Прежде Джакомина верила, что, воздерживаясь от седьмого ребенка, она оберегает остальных детей. Она словно заключила сделку с Господом. Ей не дана будет седьмая радость, о которой она столько молилась, но зато остальные шестеро будут в безопасности. Но Бог нарушил обещание. Глядя на лица детей, Джакомина знала, что не сможет их утешить. Их утрата была столь же непоправимой, как и ее.

Энца крепко сжимала руку матери, стоя на коленях у гроба, в последний раз глядя на нежное лицо Стеллы и ее непокорные кудри. Сколько раз она стояла так у колыбели, когда Стелла была совсем малышкой, любясь ею спящей! Такой сестра для нее и останется навеки.

Энца навсегда сохранит в сердце образ своей малышки, подобно локону Стеллы, который она отрезала и поместила в медальон, прежде чем священник пустил в церковь всех остальных. Энца начала перечислять про себя все, чего достигла ее маленькая сестра за свою короткую жизнь. Стелла училась читать. Она знала алфавит. Она могла прочесть вслух молитвы – «Ave Maria», «Pater noster» и «Gloria». Она знала песню «Нинна-Нанна» и умела танцевать бергамаску³³. Она живо интересовалась природой, могла отличить ядовитую красную крушину от съедобных диких слив, росших на кручах. По картинкам в папиной книге она понимала разницу между альпийским оленем и лосем.

Стелла знала о загробном мире, но представляла небеса воображаемой страной, замком в облаках, в котором живут ангелы. Энца могла только гадать, понимала ли Стелла, что происходит, когда умирала. Было слишком мучительно представлять последние мысли сестренки.

Жизнь, решила Энца, не сколько то, что тебе дано, сколько то, что у тебя забрали. Только терпя, мы осознаем, чем больше всего дорожили. Энца больше всего на свете хотела бы спасти

³² Мэр (*im.*).

³³ Старинный веселый и энергичный танец крестьян Северной Италии; название происходит от названия города Бергамо.

Стеллу, чтобы не ждали впереди долгие годы без младшей сестры. Она поклялась себе никогда, ни на единый день не забывать Стеллу.

Священник запалил длинную спичку, поднес к золотому кадилу с ладаном. Через некоторое время из квадратного отверстия потянулись струйки серого дыма. Он мягко опустил медную крышку, приподнял кадилу на длинной цепи и, равномерно покачивая им, пошел вокруг гроба, чтобы освятить его. Вскоре клубы дыма почти скрыли крошечный гроб, и теперь он напоминал золотой кораблик, плывущий по облакам.

Священник оглядел церковь, не понимая, как устроить, чтобы каждый из этой огромной толпы прошел мимо гроба, отдавая покойной последние почести. Чиро быстро уловил суть затруднения. Он слегка подтолкнул локтями двух парней, жестом позвав их за собой. Они вместе проскользнули за алтарем в дальнюю часть церкви. Там Чиро показал, что делать дальше. Отодвинув щеколды сверху и снизу, они открыли боковые двери, выпустили свежий горный воздух и солнечный свет, мгновенно развеяв мрак. Скорбящие выстроились в очередь и двинулись мимо гроба, а затем к дальнему выходу. Священник одобрительно кивнул Чиро.

Чиро заметил, что старшая девочка поднялась с коленей, встала рядом с матерью и, утешая, положила руки ей на плечи. Он отвел глаза. От столь очевидной близости матери и дочери у него защемило сердце. Чиро протиснулся между людьми и выскользнул в боковую дверь. На улице он глубоко вдохнул прохладный горный воздух. По прикидкам Чиро, прощание с покойной потребует нескольких часов, так что он вряд ли сумеет засветло вернуться в Вильминоре.

Где-то заскулил пес. Чиро огляделся и увидел, что найденыш несется к нему из-за угла церкви. Он нагнулся, и пес лизнул его руку.

– Эй, Спруццо³⁴, – прошептал он, обрадовавшись компании.

Сняв заплечный мешок, Чиро достал салями и поделился с собакой, пока процессия волнами черного и серого выплескивалась из церкви на улицы Скильпарио, подобно низким грозным тучам, ползущим с гор. На церковные ступени вышла группка детей. Чиро признал в них сирот. Детей вела монахиня, ступавшая со склоненной головой, ее сложенные на животе руки были спрятаны в развевающихся черных рукавах. От поспешности, с какой дети стремились уйти, будто не желая привлекать к себе внимание, у него снова кольнуло в груди. Чиро давно уже понял, что боль сиротства может лишь затихнуть, но никогда не исчезнет полностью. Порой, глядя на ребенка, которому было столько же, сколько было ему самому, когда мать оставила их с братом в монастыре, он чувствовал, как рана внутри вновь начинает ныть, словно и не затягивалась никогда.

Чиро представил мать в золоченой карете, влекомой упряжкой вороных коней. Одним прекрасным зимним утром карета остановится у монастыря. На Катерине будет ее лучшее пальто – из темно-синего бархата. Раскрыв руки, она кинется к ним. В этой фантазии Чиро и Эдуардо снова были маленькими. И на этот раз она их не бросит. Она поможет им залезть в карету. Возница обернется – это их отец Карло, улыбающийся, счастливый, человек, у которого есть все, что ему надо: любимая женщина и дети.

³⁴ Брызгун (*ит.*).

6

Голубой ангел

Un Angelo Azzuro

Когда солнце скрылось за горой, кладбище церкви Святого Антония Падуанского окутал серебристый туман. Сквозь распахнутые железные ворота виднелся плоский участок земли, загроможденный надгробиями и окруженный чередой склепов.

Именитые семьи возвели богато украшенные мраморные и гранитные мавзолеи в виде алтарей и портиков. Стены их были расписаны фресками. Но были сооружения попроще и построжее, в романском стиле, с колоннами и золочеными надписями.

Чиро знал, что копать могилу в Скильпарии будет трудно. Ниже деревни находились баритовые и железные шахты, а это означало, что почва тут – глина пополам с камнями. Лопата снова и снова ударялась о скалу, но Чиро упорно вгрызался в землю, выкапывал целые глыбы белого песчаника, похожие на гигантские жемчужины, и складывал камни рядом с могилой.

Гроб Стеллы стоял на мраморном крыльце ближайшего мавзолея. Накрытый освященным покровом, он ждал, когда Чиро завершит работу. Спруццо сидел на краю могилы и следил, как постепенно продвигается дело у его нового хозяина и как гора камней и земли рядом с надгробным камнем становится все выше. Сперва, после того как на месте погребения были совершены положенные обряды, гроб опустили в неглубокую могилу и покрыли цветами. Как только последние люди ушли, Чиро убрал цветы, поднял гроб из могилы и начал углублять ее еще на два метра.

Спустя пару часов глина уступила место сухой почве, и последние полметра он вырыл почти мгновенно.

Чиро выбрался из могилы, чтобы вернуть гроб на место.

Много лет назад семья Раванелли купила на кладбище маленький участок и отметила его изящной скульптурой – ангел из голубого мрамора. Этот элегантный в своей простоте памятник нравился Чиро куда больше причудливых мавзолеев. Он осторожно поставил маленький гроб рядом с ямой, а затем спрыгнул вниз.

– Эй! Я помогу.

Чиро выглянул из-за края могилы и увидел старшую дочь Раванелли. В вечернем свете она выглядела незнакомой, словно и сама была ангелом. Длинные темные волосы распущены, а глаза казались в тумане блестящими черными бусинами. На ней было платье в турецких огурцах и поверх него – накрахмаленный белый передник. Промокнув глаза платком, она спрятала его в рукав и опустилась на колени.

Чиро видел, что девочка сама нуждается в помощи, он понимал, что необратимость похорон поможет ей обрести душевный покой.

– Хорошо, подними один конец, а я возьмусь за другой.

Вместе они осторожно подняли гроб Стеллы. Чиро мягко опустил его в могилу и установил там как следует, прежде чем выбраться наверх. Энца так и стояла на коленях, склонив голову. Чиро подождал, пока она закончит молиться.

– Ты уже можешь идти, – тихо сказал он.

– Я хочу побыть здесь.

Чиро огляделся.

– Но мне пора засыпать гроб, – мягко напомнил он ей.

– Я знаю.

– Ты уверена?

Энца ответила кивком:

– Я не хочу покидать свою сестру.

Спруццо заскулил. Энца протянула к нему руку, и пес ткнулся носом ей в ладонь.

– У меня в сумке есть немного еды, – сказал Чиро.

Энца развернула мешковину и обнаружила там остатки колбасы, которую утром дала Чиро сестра Тереза.

– Если ты голодная, угощайся.

– *Grazie*, – слабо улыбнулась Энца.

Ее улыбка неожиданно согрела Чиро, и он улыбнулся в ответ.

Пока Чиро кидал землю в могилу, Энца кормила Спруццо кусочками колбасы. Земля ложилась ровными слоями, пока могила не оказалась вровень с другими. Когда Чиро закончил, Энца помогла ему оттащить в сторону глыбы песчаника, а потом сложила цветы на свежий холмик. Земля едва виднелась сквозь ковер из можжевельных и сосновых веток, собранных прихожанками церкви. Энца взяла длинные ветви мирта из охапки, которую сама собрала сегодня утром, и обложила могилу по краю темной зеленью. Отступив, оглядела. Выглядит красиво, подумала она.

Пока Энца тщательно складывала церковный покров, Чиро очистил лопату и кирку.

– Я должен вернуть это священнику.

– Знаю. – Энца перекинула полотнище через руку. – Его используют на каждом похоронах.

– Ты гладишь покровы? – спросил Чиро.

– Иногда. Деревенские женщины по очереди гладят или готовят еду священнику.

– В Скильпарио нет монахинь?

– Только одна, она заботится о сиротах. На остальное ее не хватает.

Энца вывела Чиро с кладбища. Спруццо бодро трусил за ними.

– Я могу все отнести сам, – сказал Чиро. – Если только не хочешь показать мне дорогу.

– Дом священника прямо за церковью, – сказала Энца. – Как в любой деревушке любой итальянской провинции.

– Мне не нужно это рассказывать, я знаю.

– Ты учишься на священника? – Энца предположила, что это возможно, ведь одежда на нем была бедная, а многие как раз вступают на церковную стезю, потому что это хорошая альтернатива работе в шахте или другому тяжелому труду – например, ремеслу каменотеса.

– Я похож на священника? – спросил Чиро.

– Не знаю. Священники с виду ничем не отличаются от остальных.

– Ну, если одним словом, я никогда не буду священником.

– Так ты могильщик?

– Это в первый и, надеюсь, в последний раз. – Он понял, как это прозвучало, и добавил:

– Прости.

– Я понимаю. Работа не из приятных. Меня зовут Энца.

– А я – Чиро.

– Ты откуда?

– Из Вильминоре.

– Мы ходим туда на праздник. Ты живешь в деревне или на ферме?

– В монастыре. – Его удивило, что он с такой готовностью признался, где живет. Обычно, разговаривая с девушками, он неохотно рассказывал им о Сан-Никола и о том, как рос.

– Ты сирота? – спросила Энца.

– Мать оставила нас там.

– Вас? У тебя есть братья и сестры?

– Брат, Эдуардо. Один. Не то что у тебя. Расскажи, как это вообще – такая большая семья?

– Шумно, – улыбнулась она.

- Как в монастыре.
- Я думала, монахини тихие.
- Я тоже. Пока не поселился у них.
- Что, не заразился от них благочестием?
- Не особо. – Чиро улыбнулся. – Но это не их вина. Просто мне кажется, что молитвы часто остаются без ответа. Если на них вообще хоть когда-то отвечают.
- Но ведь для этого и нужна вера!
- Вот и монахини все время говорят, что нужна, но где, интересно, мне ее взять?
- Думаю, в своем сердце.
- Сердце у меня занято другим.
- Например? – спросила Энца.
- Возможно, когда-нибудь ты узнаешь, – смущенно сказал Чиро.
- Энца подняла палку и бросила вперед. Спруццо с готовностью рванулся за ней.
- Энца заметила, что они идут в ногу. И ей не приходится бежать, поспевая за Чиро, хотя он выше нее.
- Твоя мать была больна? – спросила Энца.
- Нет, наш отец умер, и она больше не могла заботиться о нас.
- Как же ей было горько!
- За все прошедшие годы Чиро ни разу не задумался, каково же было Катерине. Слова Энцы стали для него откровением. Может, мама так же тосковала по сыновьям, как они по ней.
- А как так получилось, что ты пришел выкопать могилу для моей сестры? – спросила Энца.
- Меня послал Игги Фарино. Он разнорабочий в монастыре. Я ему помогаю.
- Впервые за этот долгий день Чиро задумался, что привело к смерти Стеллы. Он слышал разговоры, но о смерти детей говорят неохотно.
- Мне бы не хотелось огорчать тебя еще больше. Но можно узнать, что случилось с твоей сестрой?
- Лихорадка. А еще у нее были ужасные синяки. Все произошло так быстро. Пока я донесла ее от водопада до дома, она уже просто пылала. Я все надеялась, что доктор поможет, – сказала Энца, – но у него ничего не вышло. Мы никогда не узнаем точно.
- Может, и к лучшему, – мягко сказал Чиро.
- Все люди в мире делятся на два сорта. Одни хотят знать факты, а другие – сочинить прекрасную сказку, чтобы стало легче. Хотела бы я относиться к тем, кто сочиняет сказки, – призналась Энца. – Это я присматривала за Стеллой накануне того дня, когда она умерла.
- Ты не должна проклинать себя, – сказал Чиро. – Может, никого не нужно винить, стоит просто принять, что такой конец – часть истории твоей сестры.
- Хотелось бы мне в это верить.
- Если будешь искать смысл во всем, что происходит вокруг, в конце концов разочаруешься. Самые ужасные вещи иногда случаются вовсе без причины. Я часто спрашиваю себя – если б я знал ответы, был бы из этого толк? Лежу ночью и думаю, отчего у меня нет родителей и что станет со мной и братом. Но когда приходит утро, понимаю: то, что уже случилось, не изменишь. Я могу только встать и делать свою работу, проживать этот день и искать в нем что-то хорошее.
- Стелла была нашим счастьем. – Голос Энцы дрогнул. – Я никогда не забуду ее.
- Не забудешь. Я кое-что об этом знаю. Когда кого-то теряешь, он занимает еще больше места в твоём сердце. Каждый день – все больше, потому что ты не перестаешь любить того, кто ушел. Так хочется с ним поговорить. Так нужны его советы. Но жизнь не всегда дает нам то, в чем мы больше всего нуждаемся, вот что тяжело. По крайней мере, у меня так.
- У меня тоже, – сказала Энца.

Пока они медленно брели в сумерках, Чиро решил, что Энца даже красивее Кончетты Матроччи. Энца была темной, как ночное озеро в лунном свете, а Кончетта – кружевной и воздушной, будто голубка весной. И Чиро решил, что тайна ему нравится больше.

У Энцы были стройные ноги и тонкие руки. Она грациозно двигалась и прекрасно изъяснялась. Ее скулы, прямой нос и решительный подбородок были типичны для Северной Италии. Но было в ней нечто, чего Чиро у девушек еще не встречал, – любознательность. Энца была наблюдательна, внимательна к другим. Он заметил это еще утром, в церкви, и сейчас, во время разговора. Кончетта Матроччи, напротив, была сосредоточена на том, чтобы холить и лелеять собственную красоту и пользоваться властью, которую та ей дает.

Чиро видел, как беззащитна Энца в своем горе, и ему захотелось помочь ей. Физическая сила ему была привычна, но теперь он хотел поделиться силой душевной. С Энцей он не испытывал никакой неловкости, с ней было хорошо и спокойно. Будто между ними образовалась какая-то мгновенная и очень естественная связь. Он надеялся, что дорога к дому священника окажется длиннее, чем ему сперва показалось. Ему хотелось провести побольше времени с этой милой девушкой.

– Ты еще учишься? – спросил он.

– Мне пятнадцать. Я окончила школу в прошлом году.

Он кивнул, довольный, что они оказались ровесниками.

– Помогаешь матери по дому?

– Я помогаю отцу в конюшне.

– Но ты же девочка!

Энца пожала плечами:

– Я всегда помогала отцу.

– Он кузнец?

– Нет, он возит людей в Бергамо и обратно. У нас старая лошадь и чудесная повозка.

– Какие вы счастливые! – улыбнулся Чиро. – Если б у меня была повозка, я бы объехал все деревушки в Альпах. При любой возможности отправлялся бы в Милан и Бергамо.

– А как насчет того, чтобы пересечь границу и попасть в Швейцарию? Ты похож на швейцарца. С твоими-то светлыми волосами.

– Нет, я итальянец. Ладзари.

– У швейцарцев иногда бывают итальянские фамилии.

– Тебе нравятся швейцарцы? Тогда я буду швейцарцем, – поддразнил ее Чиро.

Обогнав его, Энца развернулась на каблуках.

– Ты флиртуешь с каждой встречной?

– С некоторыми, – рассмеялся он. – А ты всегда задаешь такие вопросы?

– Только когда заинтересована в ответе.

– У меня есть одна знакомая, – признал Чиро. Он подумал о Кончетте и снова ощутил разочарование. Поцелуй донна Грегорио и девушки, в которую он был влюблен, горел теперь перед внутренним взором, подобно образу ада на алтарной фреске.

– Только одна?

– Кончетта Матроччи, – тихо сказал Чиро.

– Кончетта. Какое прекрасное имя.

– Sì, – ответил он. – Ей подходит. У нее светлые волосы, и ростом она невысокая. – Он взглянул на Энцу, которая была почти с ним вровень. – Я часто видел ее в церкви. Честно говоря, я высматривал ее везде. Ждал в колоннаде, когда она пройдет. Иногда – часами.

– И она отвечала на твои чувства?

– Почти.

Теперь пришел черед Энцы улыбнуться.

– Прости. Я просто еще не встречала, чтобы кто-то говорил «почти», описывая любовь.

– Ну хорошо, можно сказать, я любил ее издали. Но потом оказалось, что она любит другого.

– Поэтому у твоей истории печальный конец.

Чиро пожал плечами:

– Она не единственная девушка в Вильминоре.

– Ты говоришь, словно принц Альпийский, покоряющий девушек своим очарованием и лопатой!

– Да ты просто смеешься надо мной! – воскликнул Чиро.

– Вовсе нет. Думаю, тебе не о чем беспокоиться. В Альпах полно девушек. Вот в Аццоне и еще дальше в горах – совершенно прелестные. Или отправляйся в Люцерну. Там как раз блондинки, миниатюрные и хорошенькие. В твоём вкусе.

– Пытаешься от меня избавиться? – Чиро остановился и засунул руки в карманы.

Энца посмотрела ему прямо в лицо:

– Ты должен получить то, чего хочешь. Как и каждый.

– А чего хочешь ты? – спросил Чиро.

– Я хочу остаться здесь, в горах. Хочу жить с родителями, пока они не состарятся. – Энца судорожно вздохнула. – Перед сном я закрываю глаза и вижу свою семью. Все здоровы, целы и невредимы. В закромах достаточно муки, а в горшке – сахара. Наши курочки решили, что день подходящий, и снесли достаточно яиц, чтобы хватило на пирог. Вот все, чего я хочу.

– И тебе не хочется золотую цепочку или новую шляпку?

– Иногда. Мне нравятся красивые вещи. Но если выбирать, я предпочту свою семью. – Энца спрятала руки в карманы фартука.

– Родители уже подыскали тебе жениха?

– Даже если так, то мне они об этом не сказали, – улыбнулась Энца.

Как странно, что Чиро задал ей этот вопрос именно сегодня. Смерть Стеллы заставила ее повзрослеть или, по крайней мере, задуматься над выбором, который встает перед взрослыми. Но только сейчас она осознала: чтобы жить полной жизнью, ты должен построить ее своими руками.

– Может, они еще его не подыскали. – Чиро оперся на лопату.

– Не хотела бы, чтобы меня сватали родители. Я предпочту выбрать того, кого люблю. Но больше всего я хочу снова увидеть свою сестру. – Энца заплакала, но тут же взяла себя в руки. – Я собираюсь прожить эту жизнь как следует, поэтому уверена, что увижу ее в новой жизни. Буду трудиться изо всех сил, всегда говорить правду и приносить пользу людям, которые обо мне заботятся. По крайней мере, я буду стараться. – Энца вынула из рукава носовой платок, отвернулась от Чиро и вытерла слезы.

Чиро подошел ближе и взял ее руки в свои. Он уже несколько минут мечтал о том, чтобы обнять ее, но был удивлен, поняв, что это не знакомое плотское желание, но сочувствие. Он притянул ее к себе и почувствовал запах юной кожи и сырой земли.

Энца замерла, прижавшись к нему. Целый день она утешала других, и так теперь приятно дать волю своей слабости. Прильнув к Чиро, она плакала, пока не иссякли слезы. Энца закрыла глаза и позволила обнять себя еще крепче.

Чиро наполняло умиротворение. Энца была словно создана для его объятий. Впервые в жизни Чиро ощущал себя нужным. Оказывается, у его рук есть предназначение, прежде ему неведомое.

Ценность Чиро всегда определялась тем, насколько усердно он работал, сколько дел успевал переделать с восхода до заката. Прилежание было его визитной карточкой и основой его репутации. Для самоуважения ему было достаточно сознавать, что сегодня он хорошо потрудился.

Чиро даже не подозревал до сих пор, насколько нужным чувствуешь себя, просто проявив доброту. Он уже знал, что девушка бывает восхитительной загадкой, но ему и в голову не приходило, что с ней может быть интересно, что у нее можно чему-то научиться.

Энца высвободилась из его объятий:

– Ты пришел выкопать могилу, а не болтать со мной.

– Но я нашел тебя, – ответил Чиро, снова обнял ее и поцеловал.

Пока его губы нежно касались ее губ, перед глазами пронеслись события сегодняшнего дня. Он пытался вспомнить, когда в первый раз увидел Энцу. Обратил ли он сперва внимание на других девочек, стоявших в толпе, и лишь затем нашел ее, или она была единственной, кого он заметил?

И как он зашел так далеко, как Энца позволила ему поцеловать себя, несмотря на грязные руки и на то, что одет он неважно? Настанет ли время, когда он будет ухаживать за девушкой, сияя, как стеклянная пуговица, в вычищенном и выглаженном костюме?

Энца же почувствовала, как вся печаль этого дня вдруг улетучилась, – и все благодаря этому мальчику из Вильминоре. Может, этот поцелуй подскажет ей, как жить дальше, как преодолеть скорбь? А вдруг в самом темном дне ее жизни нашлось немного света? Вдруг он поможет ей превозмочь горе своей дружбой? Вдруг Чиро – это такой особенный ангел, высокий и сильный, с веснушками от постоянной работы на солнце, с мозолистыми руками, столь непохожими на руки богатых и образованных? В конце концов, это он подарил Стелле надежный последний приют. Как будто ниспослан, чтобы опустить ее сестру в землю этих гор, которые Стелла так любила, сделать ее их частью.

Впрочем, совсем не важно, кто он или откуда пришел. Энца просто знала, что у Чиро доброе сердце, что ему передалась ее тоска. Позже она подумает о том, как вышло, что она позволила едва знакомому мальчику поцеловать ее на Виа Скалина. Она ведь и минуты не колебалась. И в поцелуе не было никакой тайны. Энца понимала Чиро, хотя и не знала почему.

Однако в маленьких деревушках свои правила насчет ухаживания. Мысль о том, что кто-нибудь из соседей увидит, как она в открытую целуется с мальчиком, мигом привела Энцу в чувство. Как обычно, рассудок возобладал над склонным к романтике сердцем.

– Но ты же любишь другую, – сказала она, найдя предлог, чтобы отстраниться и сделать шаг назад.

– Сестра Тереза сказала, что, когда одна разрывает твое сердце, тут же находится другая, которая его штопает.

Энца улыбнулась:

– Я лучшая швея в Скильпарио. Тебе любой скажет. Но даже я не смогу починить твое разбитое сердце. Мое собственное разбито, ты же знаешь.

Она взбежала по ступенькам дома священника и позвонила в колокольчик. Чиро поспешил за ней.

Им открыл отец Мартинелли. В дверном проеме он казался куда меньше, чем утром в алтаре. Белое облачение и золотая стóбла³⁵ делали его похожим на великана, но в черном подряснике он съезжился до размеров пресс-папье.

– Ваш покров, дон Мартинелли.

– *Va bene. Buona sera*³⁶. – Дон Мартинелли начал закрывать дверь.

Чиро вставил ногу в щель:

– Игнацио Фарино сказал, что вы заплатите мне две лиры.

– Ты очень дорогостоящий могильщик.

Священник пошарил в кармане и вручил Чиро две лиры.

³⁵ Часть облачения священника, шелковая лента с вышитыми на концах крестами, спускающаяся до колен.

³⁶ Добрый вечер (*ит.*).

Чиро вернул ему обратно одну:

– На храм.

Дон Мартинелли взял монету, крикнул и закрыл дверь.

– Как щедро с твоей стороны, – заметила Энца.

– Не думай обо мне слишком хорошо. Такова была сделка, – ответил Чиро.

Энца посмотрела в небо – по лиловому своду тянулись светящиеся прожилки, будто золотое шитье. Эти прекрасные небеса встречали душу ее сестры.

– Где ты оставил свою лошадь? – спросила она.

– Я пришел пешком.

– Из Вильминоре? Ты не сможешь возвращаться в темноте. Тебя задавят, если не хуже.

Рядом сопел Спруццо.

– А как насчет твоего пса?

– Это не мой пес.

– Но он ходит за тобой повсюду.

– Потому что я не могу от него избавиться. Он привязался ко мне по дороге. И я имел глупость накормить его.

– Он выбрал тебя. – Энца присела, чтобы погладить Спруццо.

Чиро опустился рядом:

– Я бы предпочел, чтобы меня выбрала ты.

Энца смотрела в глаза Чиро и не могла решить, говорит ли он комплименты всем подряд или она ему действительно нравится. Наверняка он не первый, кто пользуется девичьим горем, но Энца решила, что должна доверять тому, что видит, а не предполагать худшее.

– Ты знаешь, эта церковь названа в честь святого Антония Падуанского, покровителя потерянных вещей. Это знак. Спруццо потерялся, нашел тебя, и это было не случайно. Ты избран и должен оставить его себе.

– Иначе что?

– Иначе святой Антоний покинет тебя. И когда ты будешь в нем больше всего нуждаться, когда сам потеряешься, он не поможет тебе отыскать дорогу.

Энца так говорила о святых, что Чиро почти хотелось в них поверить. Он и не представлял, что можно относиться к святым как к живым людям, готовым торговаться с теми, кто остался на земле. Сколько раз он чистил статуи в церкви Сан-Никола, но ни разу не почувствовал, что эти гипсовые истуканы способны хоть на что-то. Почему эта девчонка так уверена, что силы небесные приглядывают за ней?

– Пойдем, – сказала она. – Я отвезу тебя домой.

– Ты умеешь управлять с лошадью?

– С одиннадцати лет, – с гордостью ответила Энца.

– Хотелось бы посмотреть.

Чиро и Энца двинулись вверх по Виа Скалина, Спруццо по-хозяйски трусил впереди. Дорожку ко входу в старый каменный дом Раванелли освещали масляные лампы.

Во дворе толпились сельчане, пришедшие поддержать семью. В доме тоже было полно людей.

– Подожди, я поговорю с отцом, – сказала Энца. – Я должна получить разрешение.

Чиро вошел с Энцей в дом, а Спруццо остался ждать снаружи.

При виде стола, ломившегося от домашнего хлеба и булочек, свежего сыра, прошутто, холодной поленты, тортеллини с колбасным фаршем, у Чиро рот наполнился слюной. На полке над очагом он заметил оловянные сковороды с пирогами, очень похожими на монастырские пироги сестры Терезы, которые Чиро разносил каждый декабрь. На треножнике стояла эмалированная кастрюля с кофе, а рядом – кувшин со сливками. Каждая лавка, каждый стул были заняты жителями деревни.

Дети были везде – карабкались по лестнице на чердак, шныряли под столами, играли в пятнашки, вбегая с улицы и выбегая обратно. Чиро подумалось, что детский смех хоть чуточку развеял ужас этого дня.

Внезапно его кольнуло острое сожаление: сколького он лишился, утратив дом и семью. Скромный и чистый домик Раванелли так и дышал гостеприимством. «Что еще надо человеку для счастья?» – подумал Чиро.

Женщина примерно одних лет с Джакоминой уговаривала ее выпить кофе, а Марко окружали мужчины, явно пытавшиеся отвлечь его своими шахтерскими байками. Чиро вспомнил, как родители Энцы сидели сегодня у подножия алтаря, и у него перехватило горло.

Энца пробралась к отцу. Она зашептала что-то Марко на ухо, тот кивнул и оценивающе посмотрел на Чиро. Затем Энца подошла к матери, опустилась перед ней на колени, погладила по руке, встала и поцеловала Джакомину в щеку.

Собрав в накрахмаленное полотенце две груши, несколько небольших сэндвичей и кавачуне – пирог с рикоттой и медом, Энца подошла к Чиро, стоявшему у двери:

– Папа сказал, что мы можем взять повозку.

– Могу я перед тем, как уйти, выразить свое почтение твоим родителям? – спросил Чиро. В этот день Энца все чувствовала острее. Ее тронул такт Чиро.

– Конечно, – ответила она тихо.

Энца завязала полотенце узлом и положила на стол.

Потом она подвела Чиро к отцу. Мальчик пожал ему руку и выразил свои соболезнования. Затем Энца проводила его к матери. Чиро повторил слова сочувствия и не забыл поклониться.

Попрощавшись, Чиро спустился за Энцей по мощеной дорожке к конюшне, они вошли внутрь, оставив Спруццо таякать на улице. Энца зажгла масляную лампу – и все в сарае обратилось в жидкое золото: сено, стены, кормушка, лошадь. Чипи стоял в своем стойле, накрытый одеялом.

– Можешь пока сдернуть с коляски кисею, – сказала Энца, снимая с Чипи одеяло. Конь ткнулся носом ей в шею.

– Хочешь, запрягу? – спросил Чиро.

– Я сама. – Энца вывела Чипи из стойла и подвела к оглоблям. – Ты лучше покорми его пока.

Чиро вынул из кормушки корзину и поставил перед Чипи, и тот немедленно захрумкал овсом.

Энца открыла двери конюшни и повесила масляную лампу на специальный крюк, приделанный к повозке. Затем пошла к находившемуся снаружи насосу и накачала Чипи свежей воды. Он тут же с жадностью выпил ее. Потом она вымыла лицо и руки, вытерлась фартуком. Чиро сделал то же самое и промокнул лицо шейным платком.

Энца взобралась на козлы:

– Не забудь ужин!

Чиро взял еду и забрался следом. Энца взяла поводья, и тут Спруццо запрыгнул на сиденье между ними.

Энца тряхнула поводьями. Чипи затрусил к торному пути, вившемуся через деревню. Центр Скильпаро, настоящий коридор из зданий, выстроившихся по обе стороны дороги, был залит бледно-голубым лунным светом. Повозка ехала по узкой каменной улице, пока стены не расступились, выпуская ее на Пассо Персолана.

Дорога разматывалась перед ними, будто катящийся с горы рулон черной бархатной ленты. Висевшая на повозке лампа указывала путь желтоватым сиянием. Чиро наблюдал, как ловко управляется с поводьями Энца. Она сидела совершенно прямо, направляя Чипи сквозь ночь.

– Расскажи мне о кольце, – сказала Энца.

Чиро крутил на мизинце золотое кольцо с печаткой.

– Боюсь, оно скоро станет мне совсем мало.

– Оно у тебя очень давно?

– С тех пор как мама уехала. Это ее кольцо.

– Красивое.

– Это все, что у меня осталось на память от матери.

– Неправда, – возразила Энца. – Спорим, у тебя ее глаза, или улыбка, или цвет волос.

– Нет, я весь в отца. – Когда кто-то другой спрашивал о матери, Чиро менял тему разговора, но в словах Энцы совсем не было назойливого любопытства. – Вот брат мой пошел в нашу мать. А я ни капли не похож на нее, правда.

– Ты поел бы, – сказала Энца. – Наверняка умираешь с голоду.

Чиро откусил кусок хлеба с сыром.

– Я всегда хочу есть.

– Каково это – жить в монастыре? Когда я была маленькой, подумывала, не стать ли монахиней.

Положив руку на спинку сиденья, Чиро обнял Энцу за плечи.

– Тогда бы ты не смогла целоваться с мальчиками.

– У тебя чересчур самодовольный вид.

– Откуда ты знаешь, какой у меня вид? Сейчас темно.

– У нас есть лампа.

Энца ослабила поводья, и Чипи пошел неспешным шагом.

– Ты даже не направляешь его. Он знает дорогу, – заметил Чиро.

– Папа часто здесь ездит, когда дела идут хорошо.

– А сейчас как?

– Ужасно. Но совсем скоро лето, а значит, будет работа.

– Я тебя увижу летом?

– Мы поедем на озеро Эндине.

– И ты тоже?

– Поживем там у родственников. Ты можешь поехать с нами, – предложила Энца.

– Я не хочу навязываться, – сказал Чиро.

– Мои братья будут рады компании. Они рыбачат, бродят по горам, залезают в пещеры.

Баттиста говорит, что высоко в горах есть пещеры с голубым песком.

– Я слышал о них! А ты рыбачишь? – спросил Чиро.

– Нет, я готовлю, убираю и помогаю тете присматривать за детьми. Прямо как твои монашки. Полно работы, а платят мне свежими фигами, – пошутила Энца.

В Вильминоре Энца свернула на главную площадь. Несмотря на поздний час, там еще гуляли люди. Старики играли в карты в колоннаде, а какая-то женщина катала коляску, чтобы успокоить ребенка. Когда копыта Чипи зацокали по площади, Чиро перехватил поводья и повернул коня ко входу в монастырь.

– Спасибо тебе за эту поездку, – сказал Чиро. – Жаль, что обратно тебе придется ехать одной.

– Не волнуйся за меня. Чипи знает дорогу, помнишь?

– Я пойду, – сказал Чиро, но не двинулся с места. Ему не хотелось покидать повозку, не хотелось, чтобы эта ночь кончалась.

– Я не буду целоваться еще раз, – мягко сказала Энца и протянула ему узелок с едой. – Спокойной ночи, Чиро. Помни, святой Антоний позаботится о тебе, если ты позаботишься о Спруццо.

– Когда я снова тебя увижу?

- Когда захочешь. Ты знаешь, где я живу.
- Желтый дом на Виа Скалина.

Он выбрался из повозки, держа в охапке Спруццо и остатки ужина. Повернулся, чтобы сказать Энце еще что-нибудь, но Чипи затрусил по площади, направляясь к дороге. Темные волосы Энцы развевались, будто траурная вуаль. Какой маленькой она казалась на высоких козлах! Когда повозка свернула на дорогу, деревянный бортик блеснул под светом лампы.

- погоди! – закричал Чиро, но она уже скрылась из виду.

«Я же знаю эту двуколку», – подумал он. Точно в такой коляске уехала его мать. Неужели это та самая повозка? Чиро с самого начала чувствовал, что во встрече с Энцей есть что-то судьбоносное, и теперь знал это наверняка. Он не мог дождаться, чтобы поговорить об этом с Эдуардо, вдруг брат лучше помнит повозку. Может, ему просто почудилось – день выдался тяжелый.

Легкие облака, закрывавшие луну, уплыли прочь, и на небе снова сияла золотая монета. Счастливая луна. Сегодня, подумал Чиро, жизнь складывалась отлично. Если бы он был из тех, кто молится, он бы поблагодарил Бога за ниспосланную удачу. В кармане у него лежала лира. Он встретил хорошенькую девушку и поцеловал ее. И поцелуй этот не был похож на другие, как и она не походила ни на одну из девушек, с кем он встречался до того. Энца действительно слушала его – дар слаще любого поцелуя. Но прошло много лет, прежде чем Чиро это понял.

Чиро распахнул монастырскую дверь. В вестибюле его ждал Эдуардо.

- Ты вернулся. *Grazie a Dio*³⁷.
- В чем дело?
- А это кто? – Эдуардо посмотрел на пса.
- Спруццо.
- Ты не можешь держать собаку в монастыре.

– Он для сестры Терезы. Она сказала, что на кухне крысы.

Чиро направился было к домику садовника, но Эдуардо остановил его:

- Они ждут нас на кухне.
- Они?...
- Монахини.

Чиро последовал за Эдуардо.

– Что происходит? – Удовлетворение, переполнявшее Чиро всего минуту назад, сменилось тяжелым чувством.

Дверь кухни была закрыта, но свет проникал сквозь трещины в косяке. Чиро приказал Спруццо ждать снаружи. Эдуардо открыл дверь. Монахини сидели за столом. Лишь сестра Тереза стояла в стороне, лицо у нее было печальное.

– Мы будем голосовать? – спросил Чиро. – Если да, я предлагаю посадить на будущий год больше оливковых деревьев и меньше винограда.

Монахини, которым обычно нравились шутки Чиро, не улыбнулись.

– Хорошо. Прежде чем вы накажете меня, что бы я ни сделал... – Чиро достал из кармана лиру, – это вам. – Он вручил монету сестре Доменике; седые волосы у той выбились из-под платка – верный знак, что дело серьезно.

– Спасибо, – сказала сестра Доменика. Остальные сестры тоже пробормотали слова благодарности.

– У нас трудная проблема, – заговорила сестра Эрколина, поправив проволочные дужки очков. Высокая и тонкая, она напоминала пальмовую ветвь Пасхальной недели. Спрятав, как в муфту, руки в широкие рукава, она продолжала: – Мы всегда были искренне рады, что вы,

³⁷ Слава Богу (*um.*).

мальчики, с нами. Эдуардо, ты всегда был чудесным учеником. Чиро, не знаю, как бы мы без тебя управлялись с садом, цыплятами, как поддерживали бы порядок в монастыре и церкви...

– Это дон Грегорио, да? – прервал ее Чиро. Во рту у него так пересохло, что язык с трудом ворочался. Он налил себе воды из кувшина.

– Он потребовал, чтобы вас немедленно удалили из монастыря, – сказала сестра.

Чиро взглянул на Эдуардо: лицо брата стало таким же белым, как мука в эмалированной кастрюле. Чиро положил руки на стол и неверяще покачал головой. У братьев Ладзари на их коротком веку было два дома. Первого они лишились, когда умер отец, а мать не смогла выстроить свою жизнь без него. А теперь они лишались и второго – по вине Чиро, из-за его ссоры с деревенским священником. Мальчики свыклись с тем, что служат этим добрым и бедным женщинам. Считали, что работа, порой нелегкая, в обмен на стол и кров – это честная сделка. Они стали частью общины и со временем полюбили эту жизнь. Монахини усердно окружали мальчиков материнской заботой, старались, чтобы праздники проходили у них по-семейному, будто с потерей родителей для них ничего не изменилось. А теперь у них отбирали единственное место в этом мире, надежное убежище, дававшее им уверенность в завтрашнем дне.

– Я надеюсь, вы послали дона Грегорио куда подальше, – сказал Чиро.

Послушницы охнули.

– Он же священник, – сказала сестра Эрколина.

– А еще он жулик, воспользовавшийся своей властью над невинной девушкой. Вы гладите его облачения, но он их недостоин. Вы... – Чиро повернулся и посмотрел в глаза каждой из монахинь, составлявших его семью. – Вы достойны. Вы служите. А дон Грегорио только пользуется.

Эдуардо сжал руку Чиро.

– Мой брат и я... – Голос Чиро дрогнул. – Мы благодарим вас за то, что дали нам приют. Мы никогда вас не забудем. Вы не должны пострадать из-за того, что я был честен с доном Грегорио. Мы с братом соберем вещи и найдем себе другое пристанище.

Глаза сестры Эрколины наполнились слезами.

– Вам нельзя остаться вместе, Чиро.

– Дон Грегорио позаботился о том, чтобы вас разлучили, – всхлипнула сестра Тереза.

– Чиро, он распорядился послать тебя в исправительный дом для мальчиков в Парме, – начала сестра Доменика. – Я возражала ему, что ты не сделал ничего плохого и что тебе не место среди тех, кто воровал или даже хуже, но он был в ярости.

– То есть этот безбожник наказывает нас, вместо того чтобы понести наказание за собственный грех. И это, дорогие сестры, посланник Бога на земле? У меня нет слов.

– Он заслуживает нашего уважения, – сказала сестра Доменика, но ее пристальный взгляд дал понять, что горькую правду она придержала.

– Сестры, можете выказывать ему свое уважение, но моего он никогда не добьется.

Сестра Эрколина огляделась по сторонам, остановила взгляд на Чиро.

– Я здесь не для того, чтобы обсуждать власть деревенского священника, а для того, чтобы помочь тебе. Мы все собрались здесь, чтобы помочь.

– И вот почему мы втайне встретились на кухне. – Чиро оглядел окружавшие его лица, милые лица тех, с кем они делили стол с самого первого вечера в монастыре. Он не мог представить жизни без них и не мог вынести потерю брата. В душе закипал гнев. – Ему не пришлось бы в голову искать нас здесь. Святые покровители горшков и сковородок – не те, к кому он привык звать. Нет, покровители золота, фимиама и банкнот – вот кто в его духе.

– Перестань, – грустно сказал Эдуардо. – Послушай сестру.

Вперед выступила сестра Тереза:

– Чиро, у нас есть план, как тебе помочь.

– А как насчет Эдуардо?

– Эдуардо поступает в семинарию Сан-Агостино в Риме.

Чиро повернулся к брату и недоверчиво посмотрел на него:

– Ты собираешься в семинарию?

Эдуардо кивнул:

– Собираюсь.

– А когда ты намеревался мне об этом сказать?

Глаза Эдуардо наполнились слезами.

– Я думал над этим. А теперь я покину монастырь одновременно с тобой.

– То есть тебя приносят на алтарь священства вместо меня?

Сестра Тереза вмешалась:

– Дон Грегорио настаивает, чтобы вы оба покинули горы.

– Разумеется – я слишком многое видел.

– Но у нас есть план. У сестры Анны-Изабель дядя – отличный башмачник.

– Да бросьте! – выпалил Чиро.

– Чиро... – предостерегающе сказал Эдуардо.

– У тебя есть выбор – пойти к нему в ученики или отправиться в исправительный дом в Парме. А это не место для молодого человека со светлой головой и добрым сердцем. – Сестра Тереза заплакала.

– Мы должны защищать тебя, – сказала сестра Эрколина. – Мы обещали твоей матери.

Чиро наконец ощутил, как тяжесть наваливается на него. Нет, это место на самом деле не было их домом, а монахини не были их настоящей семьей. Надежную защиту им всего лишь одолжили на время.

– Ваш башмачник в Риме живет? Я хотя бы буду рядом с Эдуардо? – спросил Чиро. Он смог бы работать где угодно, на кого угодно, пока они с Эдуардо недалеко друг от друга.

– Нет, Чиро, – тихо ответила сестра Тереза.

– В Милане?

– В Америке. – Голос сестры Терезы дрогнул.

Чиро заворочался в темноте, кровать скрипнула.

– Ты не спишь?

– Не могу уснуть, – ответил Эдуардо.

– Возможно, и к лучшему. Не смыкай глаз. Дон Грегорио придет, чтобы зарезать нас прямо в кроватях, – сказал Чиро. – Хотя нет, он для этого слишком труслив.

Эдуардо рассмеялся:

– Ты хоть к чему-то относишься серьезно?

– Это слишком больно.

– Я знаю, – ответил Эдуардо.

– Ты правда хочешь быть священником?

– Да, Чиро, хочу. Хотя я недостойн этого.

– Это они тебя недостойны.

– Ну, так или иначе, скоро это выяснится. – Ирония в голосе Эдуардо заставила Чиро рассмеяться.

– Похоже, кое-какие признаки были. Ты прислуживал на каждой утренней мессе и никогда не пропускал вечерню. А еще я видел, как ты каждый вечер читаешь требник.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы оказаться одним из них. Я стану священником и тогда смогу помочь тебе, если ты еще будешь во мне нуждаться. Не так плохо иметь брата с образованием и хорошим положением в Церкви.

– Я буду гордиться тобой, кем бы ты ни стал.

– Ты нищий духом, Чиро. Всегда им был.

– И правда, – пошутил Чиро. – Как говорится в Заповедях блаженства? Что там наследуют нищие духом? Башмаки?

– Я не думал, что ты знаешь, что такое Заповеди блаженства.

– Похоже, кое-что из твоего вероучения просочилось и в меня.

– Есть еще один довод в пользу того, почему мне стоит стать священником. Я смогу найти маму и позаботиться о ней. Церковь обеспечивает семьи клира.

– Ты готов отказаться от всего ради возможности помочь маме? – спросил Чиро.

– Да, Чиро. Это был мой самый первый обет.

– Я бы тоже ей помог, если бы это было в моих силах. Это ведь всегда был наш план. Но теперь Святая Римская церковь разрушила и его, – сказал Чиро. – Мне так не хватает ее.

Эдуардо встал, подошел к койке Чиро и лег рядом на пол, как он делал каждую ночь, когда они только попали в монастырь. Чувство, что брат рядом, всегда успокаивало Чиро. Вот и сейчас он вдруг ощутил умиротворенность.

– Когда ты найдешь ее, я вернусь домой, к тебе, где бы я ни был, – сказал Чиро.

Спруццо заворочался у него в ногах. Чиро перевернулся на спину и закинул руки за голову, глядя на деревянные балки, – из них во все стороны торчали крюки и гвозди, на которых когда-то висели горшки, мотки веревки и садовые инструменты. Он гадал, как скоро после их отъезда монахини вернут на место весь хлам, когда-то здесь хранившийся. Сестры перedelывали монастырские помещения, как богатые горожанки меняют шляпки.

Старой комнате недолго пустовать. Пережидающие зиму луковицы в горшках, корзины, вазы, мотки веревки и проволоки, гнутые деревянные рамы из виноградной лозы вернутся на полки, а совки, лопаты и грабли снова повиснут на крюках. Все будет так, словно братья Ладзари никогда не жили здесь, в монастыре Сан-Никола.

Как-то раз Чиро решил прогуляться вверх по склону холма до Виа Боничелли и увидел, как в дом, где родились они с Эдуардо, въезжают какие-то люди. Иногда Чиро взбирался на холм, только чтобы посмотреть на дом, – боялся забыть мельчайшие черточки места, где когда-то родился.

В конце концов и от этой комнаты останется только воспоминание. Сестры сложат койки, скатают ковер и отнесут лампу обратно в контору. Фаянсовый таз для умывания и кувшин вернутся в комнаты для гостей. «Будут ли монахини хотя бы вспоминать нас?» – размышлял Чиро, лежа в темноте.

Чиро знал каждую улицу в Вильминоре, каждое здание и каждый сад. Он мечтал о собственном доме.

Он представлял тут веранду, а там лестницу, окна с маленькими распахнутыми ставнями, сад с решеткой для винограда и то место, где вырастет фиговое дерево. Каменные дома он предпочитал тем, что сооружались из сосновых балок и штукатурки. Он жил бы в конце улицы, высоко на горе, с хорошим видом на раскинувшуюся внизу долину. По утрам он открывал бы окна, впуская свежий ветерок, и солнце заливало бы каждую комнату – яркое, как лепестки нарциссов. Каждый угол наполнялся бы светом, каждая комната – счастьем. А любовь к жене и детям наполняла бы сердце.

Об Америке Чиро знал только то, что слышал в деревне.

Много шумели о том, какие там возможности, какие там можно заработать деньги, какое богатство нажить. Но, несмотря на все обещания, Америка не вернула его отца домой. В представлении Чиро Америка была почти раем, местом, которое он и не мечтал увидеть. Возможно, отец просто копил сейчас состояние, чтобы вернуться в Италию и купить им прекрасный дом. Возможно, у отца был план, но что-то помешало ему довести его до конца. И вовсе не смерть в шахте, а что-то еще. Чиро поклялся себе: если отец по-прежнему там, он найдет его и привезет

домой. А может, отец полюбил Америку и не захотел возвращаться в горы. Эта мысль всегда отзывалась болью. Чиро представлял Америку шумной и многолюдной и пытался угадать, есть ли там сады и солнце.

Жители юга Италии толпами валили в Америку в поисках работы. Из Альп эмигрантов было меньше. Может, путь с гор вниз, на равнину, и был таким трудным и вероломным, чтобы люди пореже пользовались им, а то и вовсе оставались дома. Чиро казалось, что в тени Пиццо Камино у человека есть все, что нужно, если только ему посчастливилось найти свою любовь – и работу, чтобы прокормить семью.

Чиро был уверен: он останется в Америке, пока не утихнет скандал, но ни днем больше. Он поклялся, что однажды они с Эдуардо вернутся в Вильминоре вместе, чтобы жить в горах, там, где родились. И ничто не сможет их разлучить, даже Святая Римская церковь. Мальчики Ладзари были братьями по крови, и как мать оставила их вместе тем зимним днем, так они и будут вместе, даже когда между ними окажется океан.

7

Соломенная шляпка Un Capello di Paglia

Два дня монахини прятали Чиро, составляя план, как спасти его от трудовой колонии в Парме. Солнце уже скрылось за горами, когда сестра Доменика, сестра Эрколина и сестра Тереза пронесли через площадь подносы – от монастыря к дому священника.

Когда они переступили порог, сестра Эрколина поежилась.

– Что ты приготовила? – спросила она сестру Терезу.

– Телятину, – ответила та.

– Он ее особенно любит, – тихо откликнулась сестра Доменика.

– А как же! Это ведь самое дорогое мясо, – вздохнула сестра Эрколина.

– Я подкупила мясника, – сказала сестра Тереза.

Сестра Доменика отперла дверь кухни пасторского дома. Сестра Тереза зажгла масляные лампы, а сестра Эрколина поставила поднос на разделочный стол в центре комнаты. Мраморный пол сиял чистотой, стены были выкрашены в белый цвет. На полках поблескивали начищенные медные кастрюли. Большая плита и двойная эмалированная раковина располагались под окнами. Кухня в доме священника пахла свежей краской. Здесь редко готовили – монахини приносили еду из монастыря.

Сестра Тереза поставила ужин дона Грегорио на буфет, взяла с полок фарфор, серебро и полотняные салфетки, затем, миновав двустворчатые, свободно качавшиеся взад-вперед двери, прошла в столовую. Сестра Доменика, войдя следом, зажгла свечи в серебряных канделябрах. Парадная столовая была роскошной, ее стены были оклеены обоями в бледно-зеленую полоску, повсюду висели старинные картины в золоченых рамах.

Обеденный стол красного дерева, рассчитанный на двенадцать персон, был отполирован до зеркального блеска. Сиденья стульев монахини вышили вручную – по голубому полю вился узор из веточек ландыша и побегов плюща.

Монахини быстро и молча сервировали ужин для дона Грегорио.

Сестра Эрколина вошла в столовую и посмотрела на карманные часы:

– Я уже могу пригласить дона Грегорио к столу?

– Да, сестра. – Сестра Доменика спрятала руки в широких рукавах облачения и заняла место у буфета, глядя прямо перед собой.

Сестра Тереза внесла еду, накрытую серебряным колпаком. Поставив блюдо на льняную подстилку, она присоединилась к сестре Доменике. Сестра Эрколина, войдя в столовую, встала у противоположной стены, лицом к Терезе и Доменике.

Вошел дон Грегорио.

– Помолимся, – сказал он, не глядя на монахинь. Начертав в воздухе крест, он проговорил:

*Benedic, Domine,
nos et haec tua dona
quae de tua largitate sumus sumpturi
per Christum Dominum nostrum. Amen*³⁸.

³⁸ Молитва перед едой: «Благослови, Господи Боже, нас и эти дары, которые по благодати Твоей вкушать будем, и даруй, чтобы все люди имели хлеб насущный. Просим Тебя через Христа, Господа нашего. Аминь» (*лат.*).

Монахини перекрестились вместе с ним, дон Грегорио сел, а сестра Тереза вышла вперед, чтобы прислуживать. Она сняла с блюда серебряный колпак и передала сестре Доменике. Затем обе вернулись на прежние места у буфета.

– Какой чудесный кусок телятины, – похвалил дон Грегорио.

– Благодарю вас, – откликнулась сестра Тереза.

– Чем я заслужил столь обильную трапезу в середине Великого поста?

– Дон Грегорио, вам нужны силы для Пасхальной недели.

– Вы уже составили расписание благословения жилищ, сестра Эрколина?

– Да, отец. Вас будут сопровождать юные ла Пенна и Баратта. Мы подумали, что в этом году вы начнете с Альта-Вильминоре, а потом будете постепенно спускаться все ниже в долину. Игнацио отвезет вас. Мы уже отчистили серебро и приготовили сосуды для святой воды.

– Пальмовые ветви уже прибыли?

– Их везут морем из Греции, ожидаем со дня на день, – заверила его сестра.

– А как покровы для Страстной пятницы?

– Отглажены и сложены в ризнице.

– А мое облачение?

– Висит в ризнице в шкафу. – Сестра Эрколина прочистила горло. – Вы ожидаете гостей на Святой неделе, отец?

– Я послал письмо священнику в Акционе с предложением отслужить вместе Пасхальную мессу. Как я понимаю, хор репетирует?

– Да, он звучит чудесно. – Сестра Эрколина подошла к сестре Терезе, чтобы наполнить вином опустевший бокал дона Грегорио.

– Сестры, пожалуйста, я бы хотел поговорить с сестрой Эрколиной наедине.

Сестра Доменика и сестра Тереза кивнули и тихо вышли на кухню, закрыв за собой дверь.

– Вы можете сесть, сестра.

Сестра Эрколина выдвинула стул из-за стола и уселась на самый краешек.

– Вы позаботились о юном Ладзари? – спросил он.

– О котором? – невозмутимо спросила сестра Эрколина.

– Эдуардо, – нетерпеливо ответил священник.

– Я послала письмо в семинарию еще несколько недель назад. Они готовы принять его. Эдуардо – очень набожный молодой человек.

– Вижу. И верю, что он будет делать там успехи.

– Он очень помогает нам в монастыре, – добавила монахиня. – Знаю, вам будет не хватать его методичного планирования литургии и музыки к воскресной мессе. Он в самом деле весьма одарен.

– Согласен с вами. Поэтому я и рекомендовал его, – ответил дон Грегорио.

По другую сторону дверей сестра Тереза и сестра Доменика прислушивались к разговору.

– О чем они говорят? – спросила сестра Доменика.

– Об Эдуардо. Дон Грегорио ставит себе одному в заслугу то, что Эдуардо берут в семинарию.

– В самом деле? Мальчик много месяцев назад подал прошение с рекомендациями сестры Эрколины.

Сестра Эрколина сложила руки на коленях. Дон Грегорио отломил кусочек хлеба и обмакнул его в соус, приготовленный из оливкового масла, красного вина и грибов.

– А что со вторым? – Он отправил хлеб в рот.

– Чиро готовы взять в исправительный дом в Парме.

– Хорошо.

– Но нам нужна от вас небольшая помощь.

– Что именно вам нужно? – ворчливо спросил он, взял бокал с вином и отпил глоток.

– Тридцать лир.

– Что?! – Дон Грегорио поставил бокал на стол.

– В исправительный дом принимают не сразу, но нас готовы освободить от ожидания, если мы заплатим за эту привилегию. Я сказала им, что дело срочное, и если вы хотите, чтобы Чиро уехал отсюда как можно скорее...

– Да, хочу, – с вызовом ответил дон Грегорио.

– Иначе его не возьмут. Деньги мне нужны нынче же вечером.

Дон Грегорио оглядел ее с подозрением.

– Отец, вы попросили меня устроить все быстро, и я не спрашивала вас о причинах, – настаивала сестра Эрколина.

– Да, конечно, мы должны сделать как лучше для монастыря.

Сестра Тереза и сестра Доменика вошли, чтобы забрать грязные тарелки. Сестра Доменика несла серебряный поднос с запеченным заварным кремом на десерт.

– Если не возражаете, сегодня я обойдусь без десерта, – сказал дон Грегорио. – Сестра Тереза, мне нужно поговорить с вами наедине.

Сестра Тереза нервно глянула на сестру Эрколину.

Старшие монахини кивнули и вернулись на кухню, закрыв за собой дверь.

– Что с деньгами? – лихорадочно прошептала сестра Доменика.

Сестра Эрколина кивнула:

– Он пообещал их дать. Надеюсь, сестра Тереза подтвердит то, что я ему сказала.

– На ее счет не беспокойся. Речи ее сладки, как этот крем. – Сестра Доменика взяла ложку и принялась за отвергнутый десерт.

В это время в столовой сестра Тереза стояла перед доном Грегорио. Она сложила руки как подобает и смотрела прямо перед собой.

– Сестра Тереза, мне бы хотелось узнать, зачем вы ходили говорить с синьорой Матроччи о ее дочери.

– Я обеспокоена, отец.

– Вы поверили сплетне, которую распространяет обо мне мальчишка Ладзари?

– Он с детства растет в монастыре, отец, и я никогда не ловила его на вранье.

– Он лжец, – заявил дон Грегорио.

– Отец, если вы пытаетесь заставить меня сомневаться в том, что говорит мне внутренний голос, у вас ничего не выйдет.

– Вы расстроили семейство Матроччи и причинили им огромные страдания. Грех зависти обуял эту деревню. А может, вы сами вовлечены в неподобающие отношения?

– Уверяю вас, это совсем не тот случай. Он для меня как сын. – Сестра Тереза, защищаясь, повысила голос.

– Я бы и назвал это неподобающими отношениями. Вы монахиня, а не его мать. Если бы я был здешним священником, когда мать их бросила, я бы не позволил им остаться. У нас здесь не сиротский приют.

– Мы помогаем бедным, в чем бы они ни нуждались.

– Вы здесь, чтобы служить Церкви, сестра Тереза. Теперь идите и пришлите мне сестру Эрколину.

Дрожа от ярости, сестра Тереза поклонилась и отправилась на кухню. Через минуту сестра Эрколина стояла у стола, лицом к дону Грегорио.

– Я хочу, чтобы вы отослали сестру Терезу из нашего прихода.

– Сожалею, отец. – Голос сестры Эрколины звучал ясно и твердо, сегодня вечером она уже достаточно торговалась. – Сестра Тереза хорошая монахиня и превосходная кухарка. Думаю, вы помните время, когда готовила сестра Беатриса. Мы практически голодали.

– Пусть тогда мою еду готовит кто-то другой. – Дон Грегорио посмотрел на часы.

– Конечно, отец. – Сестра Эрколина перевела дух, она не сомневалась, что ей удалось отстоять сестру Терезу. – Но сначала мне нужны тридцать лир, – спокойно сказала она.

– Ах да. – Дон Грегорио не двинулся с места.

– Я подожду.

Дон Грегорио встал и вышел в соседнюю комнату. Сестра Эрколина нащупала в кармане облачения четки и сжала их в руке. Склонив голову, она начала молиться. Через несколько минут дон Грегорио вернулся.

– Вот. – Он вручил сестре Эрколине деньги. – Но это огромная сумма. Вы воспользовались положением.

– Вы дали мне срочное поручение, отец. Возможно, вы предпочли бы, чтобы Чиро...

– Нет! – рявкнул он. – Это не слишком большая плата за то, чтобы очистить деревню от скверны.

Сестра Эрколина положила деньги в карман.

– Спокойной ночи, дон Грегорио, – сказала она и вышла.

Присоединившись к подругам на кухне, сестра Эрколина улыбнулась и приложила палец к губам. Они взяли подносы и погасили масляные лампы. Сестра Эрколина открыла дверь.

Этой ночью все монахини Сан-Никола собрались в монастырской церкви. Чиро и Эдуардо присоединились к ним, усевшись сзади. Сестра Эрколина вышла из ризницы. Закрыв дверь, она повернулась к мальчикам и с печалью заговорила:

– Все приготовления закончены. В эту субботу Игнацио отвезет вас в Бергамо в церковной коляске.

– Мне позволено сесть в коляску дона Грегорио? Я думал, он заставит меня спускаться вниз пешком, волоча огромный крест, как Иисус на Голгофе.

– Чиро, я попросила бы тебя придержать язык, пока я не кончу говорить.

– Простите, сестра, – улыбнулся Чиро.

– Эдуардо, билет на поезд будет ждать тебя на станции. Ты присоединишься к четырем другим семинаристам. Приехав в Рим, отправишься с ними в свой новый дом – в семинарию Сан-Агостино. Чиро, твой билет находится там же, на поезд до Венеции. Оттуда ты морем доберешься до Гавра во Франции, где купишь билет в один конец до Нью-Йорка на пароход «Вирджиния».

– Вы уже обеспечили мне место матроса по контракту? У меня была всего одна лира, да и ту я отдал сестре Доменике. Она наверняка уже прокутила ее, купив бутылку кубинского рома.

– Чиро! – Сестра Доменика рассмеялась; монахини захихикали.

– Нет, путешествие обойдется в двадцать восемь лир, и еще две останутся тебе, чтобы начать новую жизнь. – Сестры ахнули в ответ на открытый вызов священнику со стороны Эрколины. – Родственники сестры Анны-Изабель телеграммой известили нас, что встретят тебя на острове Манхэттен, Южный порт, причал 64, после того как ты пройдешь контроль на острове Эллис. Возьми это письмо. – Она вручила Чиро бумагу. – И деньги. – Лiry перекечевали в руки Чиро.

– Благодарю вас, – сказал Чиро. Он взял конверт и деньги и взглянул на брата. – Вы пошли на жертвы, которых я не достоин.

– Ты достоин, Чиро. Но я должна попросить тебя кое о чем взамен. И хочу просить Эдуардо и всех сестер держать все произошедшее в тайне. Я сказала дону Грегорио, что тебя отсылают в трудовой лагерь в Парме.

Сестры охнули. Они ни разу не слышали, чтобы Эрколина лгала.

– Я молилась и должна следовать в этом вопросе велению совести. Я верю, что ты достойный молодой человек, Чиро. Какая ирония: чтобы позаботиться о тебе, мне пришлось солгать. Власть священника абсолютна, и, умоляй я его хоть тысячу лет, он не изменил бы решения. Но ты не должен быть наказан за то, что сказал правду.

– Спасибо, сестра. – Терезу переполняли эмоции.

– Я прошу вас простить меня и помолиться за Эдуардо и Чиро, когда они покинут нас, чтобы начать новую жизнь. И прошу помолиться за дона Грегорио. Из-за своего поведения он нуждается в вашем заступничестве.

– Я был целиком ваш, пока вы не попросили нас помолиться за падре, – пробормотал Чиро.

Сестра Эрколина вспыхнула:

– Чиро, ты понимаешь, что, если бы ты хоть раз пошел мне навстречу, я бы послала тебя в семинарию вместе с Эдуардо?

– Лучше отправьте меня в Америку. Я не думаю, что мы со Святой Римской церковью – хорошая пара.

– Я тоже пришла к такому выводу, Чиро, – улыбнулась сестра Эрколина.

Коляска священника стояла у входа в монастырь. Солнце еще не поднялось над Вильминоре. Так рано просыпались только фермеры и деревенский пекарь. До рассвета оставался еще целый час.

Игнацио Фарино пил крепкий кофе с горячим молоком, макая в него краюху вчерашнего хлеба, пока сестра Тереза готовила на плите яйца.

– Да тут тайная вечеря, сестра, – пошутил Чиро.

– Не знал, что чувство юмора просыпается до зари. – Эдуардо вытащил табурет и сел. Чиро налил им по чашке кофе – сначала брату, потом себе.

– Спасибо, что встал пораньше и подоил корову, – сказала сестра Тереза.

– Я еду в Нью-Йорк и не знаю, когда снова увижу живую корову.

– Умение обходиться с коровами пригодится повсюду, – сказал Игнацио. – Я слышал, в Америке выпивают прорву молока.

– Игги, я собираюсь стать сапожником!

– Мне всегда хотелось пару черных кожаных ботинок с голубыми гетрами и перламутровыми пуговицами. Вот что тебе скажу – я попрошу жену взять карандаш и обвести мою ногу на оберточной бумаге. Пришлю отпечаток, и ты сошьешь мне ботинки. А ты, – Игнацио повернулся к Эдуардо, – ты будешь молиться за меня и устроишь мне пару индulgенций, если они мне понадобятся.

– Я всегда буду поминать тебя в своих молитвах, Игги, – улыбнулся Эдуардо.

Игнацио допил кофе и направился к коляске, чтобы приготовить ее к длительному путешествию через горы. Заодно он согласился отвезти несколько ящиков для Лонгаретти и доставить набор молитвенников в церковь деревни Клузоне.

– Пойду упакую книги. Спасибо, сестра. – Эдуардо поставил свою тарелку в раковину.

– Я буду здесь, – сказал Чиро.

Сестра Тереза, не глядя на него, надраивала сковороду.

– Сковородка чистая, сестра.

– Чиро, я просто не могу на тебя смотреть.

Чиро отвернулся, стараясь не заплакать. Тишину нарушало только тихое шипение кипящей в кастрюле воды. Наконец Чиро сказал:

– Вы знали, что этот день настанет. Я только надеялся, что буду жить недалеко отсюда, просто заберусь повыше в горы. Стану часто приезжать в гости, привозить с собой жену и детей. Может, иногда оставаться на несколько дней и помогать вам.

– Ты уезжаешь так далеко!

– Если бы дон Грегорио только знал, насколько!

Сестра Тереза улыбнулась, понимая, что это последняя шутка Чиро, – они всегда так освещали ее утро!

– Он никогда этого не узнает, а если и узнает, ты уже будешь в безопасности.

– Вам известно, что случилось с Кончеттой? – тихо спросил Чиро.

– Ее мать не верила мне, пока сама Кончетта во всем не призналась. Отношения между Матроччи и священником разорваны. Кончетта больше не сможет с ним видаться. Поэтому дон Грегорио так зол на нас. Мы разрушили его планы на счастье.

– Я любил Кончетту.

– Знаю.

Чиро попытался поднять настроение и себе, и сестре Терезе:

– Не могу поверить, что сестра Эрколина вытрясла из дона Грегорио аж тридцать лир. Он даже не подозревает, что произошло. Жаль, что она не попросила пятьдесят, вы смогли бы купить коров и свиней для монастыря.

– Сестра берет только самое необходимое. Знаешь, в этом и заключается секрет счастья. Брать только то, что тебе нужно.

– Я это запомню, – улыбнулся Чиро. – Думаю, пора прощаться. Я буду вам писать. Обещаю, однажды я вернусь в Вильминоре. Это мой дом, и я собираюсь состариться здесь.

– Я буду так счастлива увидеть тебя, когда ты вернешься!

– Спасибо вам за все, что вы для меня сделали. – Чиро обнял сестру Терезу.

Она все-таки расплакалась.

Чиро вытер рукавом глаза.

– Вы были мне матерью и другом. С первого дня здесь вы были на моей стороне. У Эдуардо всегда все будет хорошо, потому что он знает, как следовать правилам. Я так не могу, но вы защищали меня, поэтому казалось, что и я такой же. Я никогда вас не забуду. И вам положен особый подарок, чтобы вы всегда меня помнили.

– Всего не нужно, Чиро.

– Нужно, нужно, сестра... – Чиро свистнул: – Сюда, малыш.

В кухню ворвался Спруццо.

– Спруццо будет вам другом. Вы сможете кормить его кусочками салами, как кормили меня. Он не будет огрызаться, не будет мешать и надоедать вам. Он будет счастлив, что бы вы ему ни дали. Обещайте, что будете так же добры к нему, как были ко мне.

Слезы еще не высохли, но сестра Тереза рассмеялась от всей души:

– Хорошо, хорошо. Но когда ты вернешься, то заберешь его обратно.

– Охотно.

Чиро обнял сестру Терезу в последний раз, а затем медленно, не оглядываясь, вышел из кухни. Он и хотел бы оглянуться, но знал, что лучший подарок, который он может преподнести сестре Терезе, – это двигаться только вперед. И еще Чиро знал, что сестра Тереза рассчитывает на то, что он будет храбрым, потому что смелость убережет его от зла.

Спруццо смотрел на сестру Терезу, задрав морду. Она села на табурет и дала волю слезам, уткнувшись в передник. Она поклялась хранить верность одному Богу, а после него – своей общине, но не рассчитывала, что однажды в ее жизни появится голодный маленький мальчик, который повадится постоянно бегать на монастырскую кухню и завоюет ее сердце. Ни одна мать не любила своего сына больше.

Когда карета священника огибала гору над Валле-ди-Скальве³⁹, на монастырской колокольне зазвонили колокола. Игги резко натянул поводья, чтобы Эдуардо и Чиро посмотрели вверх, на Вильминоре, в последний раз.

³⁹ Долина Скальве.

Чиро не особо вглядывался в окрестности, он поклялся себе, что вернется как можно скорее. Эдуардо же знал, что уезжает надолго, поэтому постарался получше запомнить зеленые склоны. Он был уверен, что римские древности далеко не так прекрасны.

– Эти колокола звонят для вас, парни, – сказал Игнацио. – Если бы мне не надо было взять вас вниз, сам бы сейчас тянул за веревки, чтобы с вами попрощаться. Я оглох на одно ухо, пока звонил в них.

– Прости, что теперь тебе снова придется драить церковь, – сказал Чиро.

– После тебя она осталась такой чистой, что, думаю, продержусь без генеральной уборки до следующей Пасхи, – ответил Игги. – Теперь вот что, Чиро. Когда приедешь в Америку, помни: за содержимым твоих карманов будет охотиться каждый встречный. Свой стакан вина пей только со спагетти, а в бар один ни ногой. Если женщина вешается тебе на шею, значит, хочет на тебе заработать. Проси, чтобы зарплату тебе платили наличными, а если все-таки впарят чеки, то не позволяй, чтобы брали с тебя за обналичку. Как только доберешься до места, открой счет в банке на пять лир. Пусть себе лежат, но больше ничего не добавляй. Счет в банке пригодится, а банк без твоих денег обойдется.

– После оплаты проезда у меня останутся только две лиры, – напомнил ему Чиро.

Игнацио сунул руку в карман и протянул Чиро еще три лиры:

– Теперь у тебя ровно пять.

– Я не могу взять их.

– Поверь мне, мать Святая Церковь даже не вспомнит о них. – Игги подмигнул, а Эдуардо закатил глаза и перекрестился.

– Спасибо, Игги. – Чиро положил деньги в карман.

– Я всегда сочувствовал вам, ребята. Я помню вашего отца и знаю – он бы вами очень гордился.

Эдуардо и Чиро переглянулись. Сколько бы они ни спрашивали Игги об отце, тот отшучивался или травил байки.

– Что ты помнишь о нем? – спросил Эдуардо.

Игги взглянул на мальчиков. Он всегда считал, что, возвратясь в прошлое и снова пережив боль, они лишь разбередят старые раны, поэтому молчал. Однако сегодня Игги решил рассказать им все, что знает.

– Он никогда не переступал порога церкви. Должно быть, набожность у тебя от Монтини. Как бы то ни было, его семья из Сестри-Леванте, с берега Генуэзского залива. Он приехал в горы, в Бергамо, в поисках работы. Тогда там как раз строили вокзал и было много работы. Семья твоей матери держала печатню. Однажды он шел на работу и увидел твою мать в окне. И сразу влюбился в нее, вот и все.

– А почему они переехали в Вильминоре?

– Твой отец получил работу на руднике. Но затем ему сказали, что за такой же труд в Америке платят вдвое больше. Поскольку твоя мать с детства жила в достатке, он чувствовал, что должен обеспечить ей жизнь, к которой она привыкла. Поэтому отправился сколачивать состояние.

– И ты знаешь, куда он поехал?

– Есть в Америке такое место, Железный Хребет называется, в штате Миннесота.

– Ты знаешь, как он умер?

– Я знаю только то, что сказали и вам. Что он погиб из-за несчастного случая в шахте.

– Но его тело так и не нашли, – возразил Чиро.

– Чиро, – торжественно сказал Игги, – ты теперь мужчина. Хватит ждать его возвращения. Надейся на что-то настоящее, на то, что принесет тебе счастье.

Чиро смотрел вперед, думая, а есть ли на белом свете хоть что-нибудь, что может это счастье ему принести. Эдуардо подтолкнул его локтем, чтобы брат ответил.

– *Va bene*, Игги, – произнес Чиро.

– Делай то, что должно, и жизнь ответит тем же. Так всегда говорил мне мой отец.

Они остановились в Клузоне – доставить посылку местному каменщику. Игги привязал лошадь к изгороди за зданием почты. Эдуардо и Чиро сидели в повозке, уплетая свой обед. Чиро, прищурившись, рассматривал домики, взбирающиеся по склону холма, раскрашенные в желтый и белый, бледно-голубой с охристой отделкой, мшисто-зеленый, с черными ставнями... Отсюда они выглядели кукольными. Чиро никогда не уставал разглядывать дома. Он восхищался красотой фасадов и тосковал по надежности, которую они воплощают.

На другой стороне улицы какая-то девушка запирала дверь дома, белого с темно-синей отделкой. Потом она надела соломенную шляпку с длинными красными лентами и завязала их под подбородком. Чиро видел оборки ее белой юбки, достававшей до высоких кожаных ботинок.

Она повернулась и пошла по улице. Это была Кончетта Матроччи.

– Ты куда? – крикнул Эдуардо, когда Чиро спрыгнул с козел. – Мы опоздаем на поезд!

– Я мигом.

Чиро перебежал через дорогу. Кончетта обернулась, увидела его и ускорила шаг.

– Нет, пожалуйста... Постой, Кончетта!

– Я не хочу с тобой разговаривать, – сказала она, когда Чиро обогнал ее. Но остановилась.

– Я не хотел навредить тебе, – сказал Чиро.

– Слишком поздно. – Кончетта обогнула его и пошла дальше.

– Почему ты в Клузоне? Тебя отослал дон Грегорио?

– Нет. Мать решила, что так будет лучше. Я живу у тети.

– Это он должен был уехать, не ты и не я.

Кончетта остановилась и повернулась к Чиро:

– Зачем ты все разрушил?

– Он использовал тебя!

– Ничего подобного. Выйти за какого-нибудь шахтера – не для меня. Я хотела достигнуть большего. – Глаза Кончетты наполнились слезами.

– Ты бы не смогла выйти за него, – сказал Чиро, разочарованный ее невежеством. – Он же священник.

– Много ты понимаешь, – ответила Кончетта. – Я бы никогда не полюбила тебя. Мне не нравится, как ты ходишь гоголем по площади, таская дрова и камни, громко болтаешь и отпускаешь шуточки. Одежда всегда в грязи, а на еду набрасываешься, будто тебя больше никогда не накормят. Я наблюдала за тобой, Чиро, так же, как ты наблюдал за мной. Тебе место в трудовом лагере. Может, там тебя исправят.

– Может. – Вместо того чтобы побороться за себя, вместо того чтобы убеждать ее в том, что правда, а что ложь, он уступил. Невозможное навсегда останется невозможным.

Эдуардо энергично махал руками с противоположной стороны дороги.

– Прощай, Кончетта, – сказал Чиро и поспешил к повозке. Он не оглядывался, но на этот раз потому, что просто не хотел.

После смерти Стеллы Джакомина почти не разговаривала. Она следила за домом, стирала белье, готовила еду, но радость ушла вместе с ее девочкой. Джакомина знала, что должна быть благодарна: у нее еще пятеро здоровых детей, но благополучие многих никогда не возместит утрату одного.

Энца же чувствовала, что горе потихоньку отступает, что оно уже не так властно стискивает сердце. Она заботилась о младших, взяла на себя кое-какие домашние обязанности,

лежавшие прежде на матери. Марко почти не появлялся дома, разъезжая между Скильпарิโอ и Бергамо.

– Сегодня нужно еще доставить посылку в Вильминоре, – сказал Марко, войдя в дом перед ужином.

– Давай я отвезу, – вызвалась Энца. Она целую неделю ждала весточки от Чиро Ладзари. Он обещал проведать ее, и она поверила ему.

Практичная девушка не тоскует, а действует, сказала себе Энца. Она ведь знает, что Чиро живет в монастыре в Вильминоре.

Готовя повозку и лошадь, она вспоминала то удивительное ощущение близости, что возникло меж ней и Чиро в тот вечер, когда они ехали в Вильминоре. С ним было легко, и ей нравилась его внешность: эти густые волосы непривычного песочного цвета, забавное кольцо с ключами на поясе и красный платок, повязанный вокруг шеи, – такие надевали шахтеры, отмывшись после смены. Он был ни на кого не похож – а в горах такое встречалось нечасто.

Чиро помог Энце отвлечься от горя в день похорон Стеллы. Он словно отодвинул границы того ужасного дня. В его поцелуе была надежда.

Энца вывела Чипи из конюшни, и тот по привычке направился к югу, в сторону Вильминоре. Он двигался спокойной рысцой, и лицо Энцы охлаждал легкий ветерок. Когда она ехала с Чиро, ночь была непроглядно черной, но лампа давала достаточно света. Энца тогда наслаждалась беседой. Часто потом, хлопоча по дому, она вспоминала его слова о том, что он надеется на новый поцелуй.

Теперь она жалела, что так и не поцеловала его во второй раз. Потому что одного поцелуя недостаточно. Как и одного-единственного разговора. Энце столько нужно было рассказать Чиро Ладзари.

Въехав в Вильминоре, она направила повозку ко входу в монастырь, где высадила Чиро неделю назад. Она чувствовала уверенность, но, еще важнее, волнение перед предстоящей встречей. Чиро совершенно точно будет рад ее видеть. Разве он не сказал, что хочет снова с ней повидаться? Даже если он не будет рад, если будет холоден и груб, по крайней мере она узнает о его подлинных чувствах. И будет счастлива, если перестанет представлять его поцелуи каждый раз, когда откладывает книгу, или вспоминать его объятия, когда развешивает белье.

Энца спрыгнула с повозки на землю, позвонила в колокольчик у входа в монастырь и стала ждать. Вскоре дверь открыла сестра Доменика.

– Сестра, меня зовут Энца Раванелли. Я из Скильпарิโอ.

– Чем могу тебе помочь?

– Я ищу Чиро Ладзари.

– Чиро? – Сестра быстро огляделась. – Зачем тебе он понадобился?

– Я встретила его в день похорон своей сестры. Он копал могилу.

– Ох, понимаю.

– И я бы хотела поблагодарить его.

– Он здесь больше не живет, – тихо сказала сестра Доменика.

– Куда же он уехал?

– Я бы предпочла этого не говорить, – ответила монахиня.

– Ясно.

Опустив взгляд, Энца смотрела на свои руки. Должно быть, Чиро пустился на поиски приключений. Может, подался на юг, в портовые города, чтобы плавать на рыбацких шхунах, или на запад, в мраморные карьеры. Все, что Энца знала, – он уехал не прощаясь, и это значило, что он не чувствует к ней того же, что она чувствовала к нему.

– Может быть, я смогу что-то ему передать, – тихо сказала сестра, окинув взглядом площадь.

– Нет, сестра, ничего передавать не надо. Простите, что побеспокоила.

Энца взобралась обратно на козлы, проверила адрес на посылке и направила Чипи через площадь, а потом вверх по улице. Она плакала, толком сама не зная почему. В самом деле, что, как она думала, должно было случиться? На какие слова Чиро она надеялась?

Выехав за пределы Вильминоре, Чипи остановился. Он не знал, в какую сторону поворачивать, и Энца слегка шевельнула поводья. С высоты козел она смотрела на долину и спрашивала, правильно ли повела себя тогда с Чиро Ладзари.

8

Монашеская ряса *Una Tonaca del Frate*

Безмятежное синее небо с легкими штрихами облаков, как на фресках Тьеполо, раскинулось над Бергамо в то утро, когда Игнацио Фарино прощался с братьями Ладзари на станции.

Игги несколько раз оглядывался на мальчиков со своего наместа на козлах, покуда дорога не повернула и они не скрылись из виду.

Братья смотрели, как удаляется Игги, скрюченный, как набалдашник трости.

У сирот родителей много.

Эдуардо и Чиро прошли через вокзал к платформам. Черные шерстяные брюки и белая рубашка Эдуардо были отглажены. Его китель, изумрудно-зеленого цвета с золотыми эполетами на плечах, все-таки напоминал обноски расформированного альпийского полка, но был чистым, не траченным молью, так что вполне годился – пока Эдуардо не прибудет в семинарию и не наденет рясу.

На Чиро были темно-синие вельветовые рабочие штаны и аккуратно заштопанная, накрахмаленная рубашка из шамбре, а сверху – серое шерстяное пальто с черным кантом. Сестра Эрколина нашла пальто в сумке с пожертвованиями, оставленной на ступенях монастыря, а сестра Анна-Изабель соорудила к нему подкладку из нескольких ярдов шелковой ткани в огурцах, оставшейся от постельного белья, которое монахини шили к свадьбе мэра.

Тем утром, в первых лучах рассвета, сестра Доменика постригла мальчиков, после чего ряно протерла им головы свежим лимонным соком с каплей чистого спирта. Чиро заметил на это: «Когда сестра Доменика берется за дело, красота причиняет боль».

Монахини выстирали, погладили и заштопали одежду, которую собрали им в дорогу. Чистого белья, носовых платков с вышитыми сестрой Терезой инициалами и носков, связанных сестрой Доменикой, должно было хватить на первое время. Сестры сделали все, что в их силах, чтобы подготовить мальчиков к встрече с новым для них миром – хотя бы внешне.

Эдуардо посмотрел на большие вокзальные часы – на перламутровом циферблате чернели римские цифры. Все в Бергамо казалось более значительным, чем в горах, – даже в том, как здесь узнавали время, была солидность.

Братья уже тосковали по своему городку. Осматривая станцию, они вспоминали, что оставили. У длинного черного поезда, стоявшего на путях, были деревянные подножки, и они напомнили Эдуардо, как монахини выставляли за дверь обувь, чтобы ее почистили. Пассажиры, спешившие к своим вагонам, то и дело натыкались на мальчиков. Эдуардо и Чиро изо всех сил старались не мешать, но на их извинения никто не обращал внимания.

Сами люди здесь были иными. Хорошо одетая публика ничуть не напоминала ремесленников и рабочих с гор. Эти синьоры из Бергамо все были в шитых на заказ костюмах-тройках, а поверх – в пальто из шелковистой шерсти, на головах у них красовались фетровые шляпы с широкими темными лентами, украшенные либо пером, либо элегантным бантом. Мужчины в Вильминоре тоже надевали шляпы, но только из практических соображений, летом – соломенные, дабы защититься от солнца, зимой – шерстяные, дабы уберечься от холода.

Здесьние господа носили обувь из крашеной телячьей кожи со вставками из шагрени, на шнурках или пуговицах. В руках у них были саквояжи из тисненой замши. Женщины были одеты по последней моде – длинные юбки и приталенные жакеты. Прически их были увенчаны эффектными шляпками с пышными плюмажами, с облаками вуалей, волной переливавшимися через широкие поля, и с завязанными под подбородком атласными лентами. Дамы

словно плыли над землей, слышался лишь шорох юбок да легкий перестук каблучков высоких, застегнутых на пуговицы ботинок, едва касавшихся тротуара.

Эдуардо озирался в поисках четверых молодых людей, к которым он должен был присоединиться, заглядывал в листок с их именами.

– Вот, – сказал Чиро и протянул брату три лиры, которые ему дал Игги.

– Нет, нет, убери это, Чиро.

– Возьми.

– Там, куда я еду, деньги не понадобятся, – сказал Эдуардо.

В смятении от близкого расставания Эдуардо сверлил взглядом гигантские часы, мечтая, чтобы время остановилось. Ему хотелось дать брату что-нибудь на память.

Чиро посмотрел на мамино кольцо с печаткой, с выгравированной на нем хитро закрученной «С».

– И кольцо тоже не вздумай мне предлагать, – сказал Эдуардо.

Чиро рассмеялся:

– Как ты угадал?

– Ты самый щедрый человек из всех, кого я знаю. Ты бы отдал мне свои башмаки, если бы мог. И не стал бы жаловаться, что придется идти в Венецию босиком.

– Да мои ноги в два раза больше твоих, – сказал Чиро.

– К счастью для меня, потому что у тебя безобразные ботинки.

– Это все, что сестра Доменика смогла найти в корзине, – пожал плечами Чиро. – Кроме того, когда ты станешь священником, тебе дадут сутану, воротничок и черные туфли. У тебя никогда не будет недостатка в одежде, это уж точно.

– Францисканцы не носят сутану. Только коричневую рясу из мешковины, подпоясанную старой веревкой. И сандалии.

– Раз уж ты собираешься преодолеть все трудности, чтобы стать священником, я бы хотел, чтобы ты присоединился к шикарному ордену. Ты заслуживаешь тонкого белья из Венсена, как у дона Грегорио. Бедный сирота, ты собираешься стать бедным священником. Прямо как краб, ходящий боком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.